

Последний
шанс палача

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

СЕРГЕЙ

ВОЗНЕМТИ

Сергей Возный

Последний шанс палача

«Центрполиграф»

2013

Возный С.

Последний шанс палача / С. Возный — «Центрполиграф», 2013

От людской грязи, горьких потерь, предательства Глеб Воропаев сбежал в тайгу. Маленький туристический кемпинг, затерянный среди гор Алтая, вполне устраивал беглеца. Действительность грубо вторглась в его простую налаженную жизнь. Для Дины Сувориной, которую преследовали фанатики из секты «Псы Господни», Глеб оказался единственной надеждой на спасение. Воропаев остро почувствовал, что не готов умереть, но и бросить беззащитную женщину в беде тоже не мог...

© Возный С., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Возный

Последний шанс палача

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Все персонажи романа вымышлены, любое их сходство с реально существующими лицами – случайно.

Республика Златогорье и Волчеозерский край являются собирательным образом нескольких регионов Западной Сибири.

Отдельную благодарность автор выражает творческим людям, чьи песни и образы упоминаются в тексте для создания колорита эпохи: СПАСИБО, без вас роман не имел бы вкуса и запаха!

Часть первая Дауншифтеры

Глава 1 Кто ходит в гости по утрам?

Лето 2010 года

С утра, как обычно, болела голова. Невыносимо трещала. Первая сигарета спасения не принесла, да и горный воздух оказался мертвому припаркой. У крыльца, на вкопанной в землю лавке Глеб закурил вторую – только тут глаза потихоньку открылись, и тиканье в затылке сделалось легким шумом. Теперь умыться, принять пару капель, улыбнуться миру окружающему...

Окружающий мир того стоил! Сопки, кипень тайги да ледяные пики на горизонте. Ни мошки тебе, ни комарика, способных испортить человеку утреннее похмелье! Такой вот уголок Швейцарии на юго-западе Сибири, туристический рай. Забор из тесаных бревен сбит покрепче острожного – от зверя, не от грабителей, – а двухэтажный теремок кемпинга сочится круглый год смолистым янтарем. Пачкает стильные куртки и ветровки зазевавшихся туристов, но рабочему камуфляжу это не страшно. Нагретая кедровая доска кажется спине мягкой, догорающая сигарета пахнет ностальгическим, подзабытым уже. Недешевое, кстати, Sobranie, какого в ближайших селах и улусах не купить. Одно из немногих позволяемых себе «барств». До сих пор позволяемых! Первые полгода в этом Эдеме промелькнули для Глеба быстрее поезда московского метро – прежняя жизнь забывалась, легкие привыкали к кедрово-озоновому коктейлю, да и болячки многие ушли сами собой. Но ненадолго. Такая уж тварь человек, что от хорошего быстро устает. Зачем вот, скажите на милость, квасить теперь в одиночестве? Табаком травиться, чтоб кашлять потом? Не знаете?

Привычка говорить с самим собой и пить в одиночку родилась у него здесь, где из всех собеседников на ближайшую сотню километров – одна молчаливая женщина по имени Айла. Вот и она, кстати:

– Гхлеб! Дрова нету совсем!

Другого от нее не услышишь, пожалуй. Неграмотная пожилая представительница айланского народа – почти коренного для этих мест, повидавшего и скифов, и Чингисхана. За восемь сотен лет потомки монгольских оккупантов зарыли меч войны, вернулись к охоте и скотоводству. Нормально принимали и казаков с крепостями-острогами, и урядников государевых, и красных комиссаров – тайга все стерпит. Конец буйного XX века подарил айланам пресловутый суверенитет, что, по мнению Глеба, не пошло им на пользу. Златогорская автономная область стала республикой, переименована была в Айла-Тау и обзавелась полноценной бюрократической верхушкой, включая парламент и президента. Сам народ, впрочем, к «слугам народа», наводнившим единственный в республике град – столицу Златогорск, – примыкать не спешил, продолжая, в массе своей, населять горы и не отрываясь от природы. Оно и к лучшему.

– Гхлеб, водичка тоже нету! Нести надо!

– Да погоди ты, елки! Мертвого задолбаешь! – проворчал Глеб, заставляя себя встать.

Соревнование в упрямстве с Айлой перспектив лишено изначально – не зря ее Петрович сюда поставил! Костями старыми ляжет, но порядок на базе будет обеспечен! Для нечистых туристов Айла готовила национальные блюда, себя и Глеба кормила наваристой мясной похлебкой, а для прочего не годилась в силу возраста и вредного характера. Жили как брат с сестрой, охраняя десять соток здешней земли, обнесенных тем самым забором. Глебу больше и не требовалось. Устал от людей еще в *прошлой* жизни... ладно, не будем о грустном.

Глеб отыскал колун, ткнул клавишу раздолбанного китайского «Панасоника», помолился, для порядку, чтобы кассету не зажевало...

...Зачем казаку добрый конь?
Чтоб степь под копытами пела!
Точеный клинок да гармо-онь...

Глеб подпел про баб, которые «...последнее дело», и в походе его заметно прибавилось бодрости. Толстенный сосновый ствол, распиленный еще вчера на чурбаки, ожидал в траве позади терема – чем не фитнес-тренажер?! Сочный бас Шуфутинского сменился хип-хоп-ско-роговоркой, и топор рухнул на первый чурбан, обратив его в россыпь трескучего золота. Смо-лой запахло, задором, жизнью. Пошел процесс!

Девушку Глеб увидел на пути к дому, он под завязку нагрузился древесиной и был вполне счастлив. От неожиданности тормознул, чуть не рассыпав поленья.

Откуда она взялась?!!

В Златогорье, конечно, туристам медом намазано, только уровень имущественности у всех разный. Большинство оседает на западе республики, среди хороших трасс и кемпингов, кое-кто проникает глубже – на конях, мотоциклах, пешком. Истинные энтузиасты туризма забредают в совсем медвежьи углы – на таких и рассчитана база, мудро воткнутая Петровичем вдали от благ цивилизации. Опытные люди забредают, знающие тайгу и не привыкшие с ней шутить. Отлично экипированные, с GPS, палатками, оружием. Группой обязательно!

Девушка, украсившая собою столик во дворе базы, на туристку походила, как Ксюша Собчак на борца сумо. Такие фифы тайгу предпочитают наблюдать из окна внедорожника, а поодиночке даже в городской парк не выходят. С этой мыслью Глеб бросил древесину у крыльца, и губы его растянулись в подобии улыбки. Улыбаться надо гостям!

– Утро доброе! Желаете чего?

– Спасибо. – Голос незнакомки оказался низким, с очень даже сексуальной хрипотцой. – Можно мне чаю?

– Без проблем, – кивнул Глеб, отметив попутно легкую ветровку красавицы (пикники на даче – самое оно!), белоснежные кроссовки и того же колеру футболку (приятно для глаз, но непрактично до ужаса). Элегантный рюкзак Columbia висит за спиной, будто хозяйка намерена была сорваться с места. Занятная дама, короче. Перед такой поприличней стоило бы выглядеть, ну да шут с ней – в прошлом, все в прошлом. Точеный клинок да гармонь...

А улыбка его, похоже, не удалась. Никакой ответной реакции!

* * *

Дине было страшно. Страх – как грязь, пачкает лицо и душу, делает голос хриплым и замутняет взгляд. От страха можно бежать вечно – пока сердце не остановится.

И никто не спасет!

План – почти идеальный – казался теперь ерундой, дворцом из песка, где она хотела отси-даться. Расчет на разумность, которой у странных людей нет и быть не может! Волки никогда не бросают след, не устают, не теряют жажды крови...

Бревенчатый терем, скамейка, забор. Два человека: пожилая узкоглазая женщина и меш-коватый мужлан «за сорок», заросший щетиной до ворота камуфляжной робы. Неужели здесь все такими становятся?!

– Утро доброе! Желаете чего?

Рожа опухла, но взгляд вроде неплохой. Нет в нем характерной сальности, за которой начинаются всякие там намеки... Боже, да о чем она думает?!

Потом Дина увидела ИХ, и все прочее стало неважным...

* * *

Глеб почувствовал проблемы не сразу – успел передать Айле заказ и помахать еще колуном. Возвращаясь с очередной охапкой дров, обнаружил, что гостей стало больше.

Мужчина худой и высокий сидел за столом, обняв незнакомку за плечи, второй, бородатый, устроился напротив. Вот так, значит? Друзья, мужья, товарищи? Прибыли, наконец?! Оно бы радоваться надо – лишняя клиентура, – а Глебу царапнуло по душе. Раскатал губешку, валенок таежный?! Так тебя, лоха, и надо учить! Поленья полетели наземь, а компашка за это время уже встала на ноги. Так и шли теперь к калитке – втроем, обнявшись. Идиллия! Глеб и сам не понял, что в этой благодати ему показалось странным, но язык среагировал быстрее мозга:

– Девушка! А чаек?!

Она обернулась – мгновенный взгляд над мужской рукой, надежно обнявшей за плечи. Испуганный взгляд, умоляющий.

– Эй, мужики, погоди чуток! – проявил язык очередную инициативу, что заставило Глеба поморщиться. Куда ты лезешь, идиот?! В личную жизнь пригламуренных телок, которые через губу на тебя плевали?! Мало прежних проблем?!!

Они притормозили – чуток, как и было сказано. Полное впечатление, что девушка хочет застопориться, а ЭТИ вперед тянут, с тупым упорством бульдозеров, подумал Глеб. Сплошной непорядок, короче!

– Да погодите, ну! – пробасил Глеб, ускоряя шаг. – Чего у вас подруга такая невеселая, а? Может...

Худой оглянулся искоса, и мир вокруг Глеба полыхнул вспышкой боли, скрутившей кишки. Второй удар, рукой, пришелся в лоб, третий упал на затылок. Земля, трава, вкус крови во рту. Надо вставать, и нет сил. Ноги перед глазами – кроссовки сорок пятого размера, одна из которых стрельнет сейчас добивающим ударом, и свет отключится... хорошо будет... не больно...

Что-то всплыло из памяти рефлексом, бросив тело вперед – поймать чужую щиколотку и толкнуть в колено, всей массой! Враг упал. Но вскочил мгновенно, с грацией каратиста, зубы оскалены, клинок в руке. Глеб успел про себя удивиться (тоже поднялся, надо же!), а тело уже задвигалось, заплясало, уклоняясь... слишком медленно! Хэть – задел клинок камуфляжную хэбэшку, хэть – удар ногой (блокировал!), хэть – ушел от прямого колющего. Плохо телу приходится, отвыкло от танцев! Движения тяжелые, будто в масле, кровища нос переполняет. Еще секунд несколько и...

Выстрел!

Грохот, эхо, немая сцена. Айла целится из двустволки, девушка с рюкзачком прижалась к забору, двое мужчин пригнулись, зубы оскалили.

– Ходите отсюда вон, – произнесла дочь охотничьего народа с непостижимым спокойствием. – Застрелить буду сейчас сразу.

– Она может, – предупредил Глеб угрюмо. – Валите, не нервируйте женщину! Ты... нож брось, ну! Вот та-ак! А для вас, красавица, чай готов, можете остаться.

Отступали они медленно. Бородатый озирался умно и цепко, картинку в памяти рисовал, а вот с худым все выглядело сложнее. Не на Глеба глядит и даже не на ружье – на девушку уставился. Будто зверь, оголодавший и почти уже не боящийся смерти. Навидался Глеб таких взглядов в другие времена, в далеких отсюда краях, где без «калаша» на улицу не выйдешь.

– Айла, прострели ему ногу, – попросил деловито, но худой и ухом не повел. Бородатый усмехнулся, дернул напарника за рукав, и в калитку оба протиснулись плечом к плечу. Створку

за ними прихлопнула спасенная девушка, похоже вовсе не намеренная падать в обморок или вешаться на шею спасителям. Жанна д'Арк, блин!

– Нормально утро начинается! – поделился с ней Глеб наболевшим. – Зашибись друзья у тебя!

– Они мне не друзья.

– Тем более!

За оградой их уже не было – никого другого, впрочем, тоже. Склон, тайга вокруг, птички чирикают. Башка болит невыносимо, и прочие части тела с нею перекликаются. Лучшее лекарство – полстакана самогонки немедленно, потом в баньку да поваляться. Мечты, мечты...

– Они еще вернутся. – Сейчас голос незнакомки звучал тускло, будто выжженный недавним страхом.

– Не сомневаюсь, – хмыкнул Глеб, оборачиваясь. – Придурки злые, мстить будут.

Она стояла совсем близко – рыжие волосы выбились из-под банданы, глаза зеленые, кошачьи. В них хотелось смотреть бесконечно, и Глеб заставил себя отвести взгляд. Обошел девушку неловко, подобрал трофейный нож.

– Они вернутся ЗА МНОЙ.

– В самом деле? – удивился Глеб скучно, разглядывая оружие смерти. Узкий как шило клинок с незнакомой вязью, гарда с рукояткой образуют правильный крест. Распятие образуют – вот и фигурка Христа прилеплена, явное серебро!

– Занятный ножик. И чем же ты, милая, им не угодила?

– Тем, что я ведьма. Я не должна жить.

Происходящее отчетливо запахло дурдомом...

* * *

– Она – ведьма, – сказал вчера Мастер, удостоив Серафима аудиенции. Или не вчера? С улицы тянуло горелым торфом, в кадильнице тихо курился ладан, на душе было благостно и светло. – Ты видел ее, Серафим, и слышал ее речи, напитанные бесовской прелестью. Ты согласен с решением Братства?

Взгляд Мастера давит как гиря, но Серафим молчит, и никто не вправе его торопить. Спешка в делах Господа недопустима, а пролить невинную кровь от Его имени – страшный грех!

Тишина.

Щелкают четки в пальцах Мастера, гудит за окном автомобильный поток.

– Она красивая...

– Да. – Взгляд Мастера ласков и мудр, не скрыть от него ни одной грешной мысли. – Она хороша, Серафим, и в этом ее опасность. Сестры ее во все века сеяли зло и скверну, а сейчас на их стороне законы и обманутое людское стадо. Антихрист близок, ему уже открыли дверь и расстилают под ноги ковер, залитый жертвенной кровью. Все зависит от тебя, Серафим! От всех нас!

– Да, я готов. – Прошлое накатило, заставляя жмуриться, виски заломило. Женщины! Змеи в стаде людском! – Я готов!

– Иного ответа не ждал. – Улыбка Мастера греет пониманием. – Ты знаешь, где ее найти, брат, и знаешь, что делать.

Он знал. Разумеется, знал! О ведьмах Серафим знал все – возможно, больше Шпренгера и Инститориса¹, привыкших к рутинным расправам. Бюрократы и палачи в рясах – кто из них, тогдашних, держал пост перед каждым Делом Веры, кто боялся ошибиться, погубить чистую

¹ Шпренгер Яков, Инститорис Генрих (XV в.) – инквизиторы, авторы сочинения «Молот ведьм».

душу?! Кто, наконец, стоял ежедневно между молотом и наковальней, темными силами Ночи и машиной Государства, отравленного атеизмом?! Что ж, в жестокий век Господь отбирает лучших – мучеников и воинов. Не важно, кем ты был раньше, не важно, кому и чему служил – истина приходит к каждому в свой срок. Счастлив тот, кто сумеет понять Его знаки и, как мытарь Левий Матвей, бросит наземь грешные деньги, чтобы идти отныне верным путем! Великая честь и великое испытание!

Сейчас их было четверо – вместе с Серафимом. Брат Михаил, лишенный слуха и речи, искушен в рукопашном бою, Симеон и Захария метко стреляют, но их навык пока не нужен.

Для ведьмы пуля не годится.

Глупые люди с ружьем смешали сегодня все планы, но разве смогут они остановить воинов Братства?! Разве смогут букашки остановить орудие Всевышнего, направленное, как молния, Его рукой?!!

Молитва прочтена, разум светел и ясен. Пора начинать...

Глава 2

Засада

Мотоцикл на подъеме гудит надсадно, горная дорога петляет меж кедрами, жмет к обрыву над ревушей внизу Хотунью. Не дорога, тропа – других здесь нет. Можно чапать пешком, можно лететь на вертолете, а Глеб предпочитал старенький «иж-юпитер», лохматого года выпуска, переименованный, как положено, в «харлей-дэвидсон». Шутки оставьте при себе – на здешних тропах ветеран советского мотопрома вел себя достойно, а скоростей особых тут и не требуется. Полтора метра вширь, хруст щебня под колесами, и неясная, самоубийственная тяга сорваться через край – на скорости, как в кино. Говорят, со многими такое бывает. Очень даже разумные люди начинают в здешних местах чудаковать, видят и слышат вещи, недоступные окружающим, а то и творят всякую чушь. Лезут голышом покорять скальные стены в муаровых базальтовых разводах, обнимаются с вековыми кедрами, духов пытаются вызывать. Айлань на приезжих озорников глядят снисходительно, а местные русские (к коим Глеб теперь и себя относил) странностям вовсе не подвержены – бытовыми вопросами заняты, вроде пропитания и обогрева. Сплошные проблемы местным от этих туристов!

– Быстрой езды не боишься? – спросил Глеб час назад.

– Я ничего уже не боюсь... наверное, – ответила зеленоглазая Дина, родом из славного града Новосибирска. Разговор близился к финалу, многое стало ясно, а прочее не стоило внимания. – Я их сама вчера узнала, – начала Дина исповедь пару часов назад, когда чай, наконец, был подан (не айланский, обычный – без всяких соли, масла и сухарей в напиток), а для снятия стресса стол украсила поллитра местного самогона. – Купилась, дура, на дешевую путевку, решила посмотреть ваше Златогорье! Таких, как я, еще десяток набралось...

В целом история выглядела банальной – до определенного момента. Поучительный пример из серии «не гонись за халявой». Группа подобралась сплошь мужская и пьющая, заряжаться начали еще в Новосибирске, а к Златогорску многие не вязали лыка. Тут-то, в кафе при гостинице, подошел к Дине бородатый мужичок с лицом фольклорного крестьянина, улыбнулся ласково...

– Представляете, Глеб, он меня ведьмой назвал! Сказал, что они святые, типа монахов, спасают человечество от нечисти!

– Занятно. И по каким признакам?

– Да ненормальные, секта какая-то! И меня ведь знают – имя, фамилию!

– Ну, это как раз не проблема, – улыбнулся Глеб, наливая себе заветный стопарек. – В турфирме твой паспорт отмечен, дальше дело техники.

– Вот уроды! А главное, он вначале и не грозил! Надо, говорит, пройти всякие испытания... ОРДАЛИИ, во! Если все подтвердится, так они мне искупление назначат, типа, чтоб очистилась. Переживу искупление – стану белая и пушистая!

– Круто! Ночной дозор, всем выйти из сумрака! – Рюмаха скатилась в желудок, делая Глеба благодушным. – А ты, ведьма темная, ужас, летящий на крыльях ночи, от ОРДАЛИЕВ отказалась?

– Это не смешно! Я тоже хотела свести в шутку, а он начал пугать. Типа, если ведьма не кается, то ее положено казнить, да еще мучительной смертью...

Дальнейшая картинка в изложении Дины выглядела сущим триллером. В гостинице ее спасли соратники-туристы, которым ей пришлось-таки пожаловаться, потом группу забросили в горы вертолетом, высадив на плато с кучей домиков. Натуральное сближение с матушкой природой – при полнейшем отсутствии сервиса! Мужики, похмелившись, взялись таскать дрова и воду, потом дошло до шашлыков, и гульба плавно свелась в новый запой. Массовой оргии Дине удалось избежать благодаря глобальной конкуренции между самцами, а ко второму дню

научилась держать их на расстоянии. Все, в общем, наладилось. До тех пор пока утром третьего дня из тайги не вышли ОНИ – знакомый бородач с ласковым взглядом и глухонемой верзила с лицом убийцы. Постояли рядом с базой, заставив Дину похолодеть, а бородастый ей рукой помахал, почти по-дружески.

– Тут я и решила уходить, – подытожила зеленоглазая, зябко поведя плечами. – В домиках не спрячешься, на мужиков надежды мало. Думала, найду дорогу, потом автостопом...

– Смелое решение, – признал Глеб, становясь все более серьезным. У него опьянение прошло от активной мыслительной деятельности. А история, сначала показавшаяся глупой шуткой, выглядела все мрачней. С сектантами сталкивался он и раньше – Москва ими просто кишит, да и в здешние горы паломничества совершают регулярно. Страну Шамбалу ищут, размещенную дедушкой Рерихом аккуратно в этих местах. Себя Глеб традиционно считал православным, и хоть в храмах бывал редко, но крестик носил. О крестах, приложенных к стiletному клинку, слышать не приходилась – эта деталь придавала всей истории жутковатую достоверность.

– В ментовку тебе надо, – решил Глеб к завершению трапезы. – До Усть-Моксы довезу, там отделение.

– И что скажем?

– Как есть. Заяву напишешь, кинжал отдадим. Мы ведь с тобой люди законопослушные, да? Ждем от родной милиции помощи и защиты. А стрелялки устраивать с чокнутыми я не нанимался, извини.

– Ну ладно...

Сквозь вежливую интонацию девушки проступило разочарование, внезапно Глеба разозлившее. Герой тебе нужен, да?! Одним махом врагов убиваешь?! Потом благодарный поцелуй красотики, пару статей на шею и вперед – по ту-ундре, по железной доро-оге!

– И учти, красивая, в мои обязанности перевоз туристов не входит, – ляпнул зло, совсем не то, что хотелось. Увидел вдруг себя со стороны: небритого, лохматого, с мятой похмельной харей. Какая тут на фиг романтика, смешно даже! – И бензин за твой счет, так что...

– Я поняла, – кивнула она невозмутимо. – Деньги есть, договоримся... товарищ водитель.

– Товарищей в 91-м упразднили, – буркнул Глеб, обозлясь на себя окончательно, и пошел мотоцикл проверять.

Для бодрости облился парой ведер холодной воды, а на ремень, по такому случаю, прицепил нож и походный кошель, без которых в тайгу не ходил даже на километр. Ружье решил оставить Айле – вдруг и правда вернуться, придурки!

Так и вышло, что летел теперь «иж-юпитер» по горной тропе с двумя людьми на нем, прижавшимися друг к другу, будто влюбленные, хотя было обоим совсем не до того. Помечтать разве что. Доставить глянцевую картинку обратно в цивилизацию и быстрее назад – к одиночеству и свежему воздуху! Еще с недельку будет немного жаль, а потом жизнь войдет в нормальную колею. Спокойствие и крепкий, здоровый сон – ну что еще надо для счастья?!

* * *

Подъем сменяется спуском, тропа изгибается резко, уводя мотоцикл по дуге...

...Что это было – интуиция? Укол по нервам из давних времен, где поворот на горной тропе означал засаду или фугас?

Проволока! Невидимая, натянутая меж двумя соснами, как раз на уровне горла! Нырнуть, тормоза выжать (поздно!!!), мотоцикл валится набок, удар, женский крик...

...Жив, кажется! Болит все и сразу, но не глобально – скорость была небольшой, сосна или камень с башкой не встретились. Главное – не рассек себе горло, как тот фриц-оккупант классической партизанской ловушкой!

– Глеб! – подала голос Дина. Везучая ведьма, опять цела!

– Вы живы, Глеб?

– А то! – проворчал он, пытаясь встать. – Делов-то на копейку...

Сосна возле уха вдруг издала чмокающий звук, кора брызнула в стороны, и он рухнул наземь раньше, чем услышал сам выстрел. Тело продолжало удивлять, опережая залившийся мозг, – вжалось в щебенку, взгляд метнулся по сторонам, вычисляя. Поганенькое место, классический здешний вид – стена слева, пропасть справа. Где же стрелок, маму его ити?! Почему тянет?! Порадуем его, привстанем слегка. Бац! Брызнула в лицо каменная крошка, совсем рядом.

– Эй, человек, ты лежи пока! – Голос сзади прозвучал вполне миролюбиво.

Добрый дядя с бородой, а мы и соскучиться не успели! Из зарослей вышел, не прячется.

– Наши братья хорошо стреляют! Нам не нужна лишняя жизнь, не искушай!

– Что вам надо?!

– Ты знаешь. Женщина избрана, и она уйдет с нами, на то есть Его воля! Ты можешь жить или умереть!

Молодцы, конкретные ребята – Глеб к ним даже симпатию ощутил. Сам в буйной молодости решал проблемы так же просто – на чужих странных войнах, где ни родины, ни флага, только наличка. С годами размяк, думать стал слишком много, вот и приплыл... дауншифтер хренов! Зачем вступился за чужую бабу?! На кой полез ее выручать, почти бесплатно?!

– Встать хотя бы дайте! – рявкнул Глеб, уже не стеснясь. – Я не лох, на коленях ползать не буду!

Поднялся решительно, хоть и плавно (ни к чему провоцировать), взглядом Дину нашел. Сидит наша ведьма, привалилась к дереву, смотрит вприщур. Требовательно пялится, блин! Будто обязан тут кто-то подышать за нее!

– Что?! – спросил Глеб у спутницы агрессивно. – Будешь дальше мне страшилки втирать, да?! Шас двадцать первый век, не бывает такого!

Гнусно все получалось, чего уж там. Жить охота необычайно, бабу бросать стыдно, и себя дико жаль, идиота, сбежавшего от людской грязи в этот сказочный мир. Птички поют, горы дымятся... хорошее место, кстати! Знакомое. В таком месте да вдруг концы отбросить – а не пошли бы вы!

– Слышь, борода, согласен я, – сказал Глеб негромко, чтоб голос не дрогнул. – Только у меня свое условие. Бабла хочу.

– Чего?

– Денег, блин! Бабла, хрустов, налички, кэша, тугриков! Я вам тут не Вокер крутой, я заработать приехал, и эта мне, кстати, обещала оплатить доставку! Хотите ее – возмещайте убыток!

– А ты наглец, мужик, – улыбнулся добрый бородач, приближаясь неспешно.

Сверху, со склона уже спускался глухонемой драчун с ружьем (когда успели?!), а сам снайпер являться не спешил. Страхует сучонок, никуда тут не денешься!

– Ты, наглец, хочешь продать то, что мы возьмем сами, и совсем не ценишь подаренную тебе жизнь.

Дина уже поднялась – все понявшая, расслабленная в покорности судьбе. На Глеба не глянула даже... хотя чего на него глядеть? Даже сектантам он теперь неинтересен – к девушке идут, забыв о непутевом защитнике. Ни малейшей похоти во взгляде, ни вообще интереса мужского.

– Эй, погодь! – заволновался Глеб, вскинулся следом суетливо. – Тоже, знаете, не людски... мы с ней вместе вон сколько! Попрошаюсь хоть!

Глухонемой оскалился, ружье поднялось, но бородач лишь махнул рукой – пускай.

– Дина, стой, ну! Куда сразу идешь-то?! – Реплики следуют по накатанной, коверканые, дурашливые. Каких еще ждать от трусливого «мешка», пытающегося сохранить лицо?

Девушка до ответа не снизошла – остановилась лишь да подбородок вскинула брезгливо.

– Ну вот и ладненько, вот и хорошо! – пробормотал он, догоняя. – Обняться всегда надо, мы ж люди, не звери какие! НЕ УПИРАЙСЯ, ПАДАЙ СО МНОЙ.

– Что?!

– ЕДЬ НА БРЮХЕ И НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ!

Она не успела ничего понять, – объятия Глеба сковали кольцом, увлекая за собой. С обрыва, вниз, в пропасть!

* * *

Это было как в детстве – ужас и восторг падения, крик и хохот внутри, все кубарем. Склон каменистый, щебенка в бок, трава, кусты, быстрее... стоп! Оборвалась круговерть внезапно – каменным выступом, где орущую Дину поймали за рюкзак, жестко стопоря.

– Все, уже все! – крикнул Глеб, втягивая девушку в расселину. – Поздно уже бояться, аллес!

– Ты... ты! – Бешеный адреналин в ее крови требовал выхода, плакать хотелось и хохотать. Справилась – самообладания ей всегда хватало. – Ты, гад... где мы?!!

– В пещерах. Тут вся гора как муравейник, отсидимся пока.

– А если следом пойдут?

– Занятно будет. Лучше бы им, конечно, считать нас погибшими героями, но сомневаюсь. На дураков не похожи.

Пещера была древней – это Глебу еще Петрович разъяснил. Километры гротов, куча выходов, живопись наскальная, манившая сюда археологов, спелеологов и прочих любителей древности. С крушением советской эпохи интерес этот поугас, а входы, вроде этого, забыли все, кроме некоторых местных.

– Почему не уходим?

– Куда? Я сам дальше входа не нырял, да и с тактической точки зрения тут удобней.

– Не поняла.

– Элементарно, Ватсон. Веревка у них вряд ли есть, спускаться будут как мы, только медленно. Заходить станут по одному, со света в темноту...

Говоря честно, Глеб надеялся, что сектанты не рискнут в пропасть лезть.

Зря надеялся!

Получаса не прошло, как сверху посыпались камушки, и на карниз спустился человек, перехваченный под мышками веревкой. Дернул конец, распуская узел, ружье уставилось стволами вперед, шагнул осторожно, по-кошачьи. Он даже не успел понять, откуда высунулись руки, схватившие оружие, и почувствовал удар ногой в пах со всей мочи. Затем удар в грудь своим же прикладом. Человек вскрикнул и рухнул спиной вперед. Глеб успел увидеть молодое, совсем незнакомое лицо. Двадцатью метрами ниже парня встретили камни, и бурная Хотунь поглотила его вмиг.

– Вот так примерно, – сказал Глеб вникуда, потом высунул ружье наружу и пальнул экономно, одним стволом по летящим сверху камушкам.

Попал, кажется, наверху вскрикнули, зашумели, камнепад стал гуще.

– А не фиг к нам с мечом, или что у вас там! – завершил монолог, отступая подальше от входа. Подготовка их неизвестна, но стреляют хорошо – слишком хорошо для чокнутых! И в рукопашке не дураки – во всяком случае, один.

Подождем...

Глава 3

Ночные бдения

Ночь. Пещера. Огонь. Древние инстинкты, пришедшие из первобытных косматых времен. Странное наслаждение для цивилизованного туриста, обратившегося к непонятным для него самого «истокам» – холоду, жесткой лежанке и неустроенности. Бр-р!

– А ловко ты их!

– Кого?

– Ну этих, сегодня... – В интонации Дины особой теплоты не чувствовалось. Совсем иначе бы надо благодарить своего спасителя, ну да ладно. – Я, если честно, думала...

– Думала, я родился сразу с колуном и «флаконом»? – усмехнулся Глеб, прикуривая от синего огонька над таблеткой сухого горючего. Нашлось такое, как ни странно, в стильном рюкзаке гламурной туристки. От возможных гостей огонек был прикрыт, а стволы трофейного ружья были направлены в сторону выхода из пещеры. Гости, впрочем, больше не совались. Единственная попытка выбраться из пещеры обернулась для «сидельцев» свистом пули над их головами, отбив тягу к дальнейшим экспериментам.

– Подождем, – сказал Глеб уверенно. – Ну не профи же они, не платят им за это! Задубеют и свалят!

Так и сидели с тех пор, не пытаясь сменить диспозицию. Ждали. У Глеба в поясном кошельке отыскался НЗ для подобных случаев: сало, хлеб, чеснок и фляжка с сорокаградусной жидкостью. Другая фляга, с водой, осталась при мотоцикле – десятью метрами выше их убежища.

– Ну, не то чтобы родился...

– Сам дошел до жизни такой, – кивнул Глеб понятиливо. – А знаешь, тут ты как раз угадала. Все дело в позиционировании.

– В ЧЕМ?!

– В нем самом. Ты вот глядишь на мою рожу и думаешь, что мне таких слов знать не положено. А я, может, просто кайф ловлю от жизненной простоты. Бухаю, не бреюсь, и зеркало паутиной заросло.

– Опускаешься, – вынесла Дина краткий вердикт. – Какие ж вы, мужики...

– Так мужики и есть. Не метросексуалы какие-нибудь, чего с нас взять-то?!

Пикировка забавляла, уводя мысли в сторону от малоприятной реальности. От человека, сброшенного со скалы, от базы, ставшей за полгода почти родной. Петровичу проблемы ни к чему, вмиг рассчитает, а другую работу в этих краях еще поискать надо, размышлял Глеб. Это если с милицией все обойдется. Идиотов-сектантов Глеб в расчет пока не брал – слишком сказочная история на фоне прочих проблем.

– Почему ты постоянно бормочешь? – продолжила Дина. Вяло продолжила, по инерции. Тоже от мыслей прячется, привычным женским способом? – Бубнишь себе под нос, как старый дед!

– Привычка, – отозвался Глеб миролюбиво, решив проявить понимание. Мы ведь в ответе за спасенных-прирученных... если уж черт дернул! – Природа-матушка на людей по-разному действует. Одни становятся мудрыми отшельниками с благородной седой бородицей, другие – как я.

– Спиваются, с неопрятной щетиной?

– Слушай, сударыня, а не пошла бы ты! – сорвался он, наконец. – Претензии будешь хахалю дома высказывать! Или мужу, если кто-то с тобой, языкастой, рискнул закольцеваться! Завтра вылезем из этой задницы и пойдем искать счастья своим ходом!

– Что, устал уже? – усмехнулась она. – Утомился, герой? Ну сдал бы меня сегодня ЭТИМ, ты ж хотел!

– Рот закрой, – сказал Глеб угрюмо. – Хочешь умереть – вали на выход, я не держу. Ну?!

Девушка смолчала – только усмешка превратилась в тонкую нитку. Дернула клапан рюкзака, ладони нырнули внутрь так резко, что подумал, что она вынет оттуда пистолет.

– Извините за беспокойство. Надеюсь, этого хватит?!

Деньги – рубли, баксы, еврики. Не то чтобы сильно много, но купюры сплошь сотенные. Дина сдернула по несколько бумажек с каждой пачки, остальное исчезло во внутренностях Columbia.

– На фига тебе столько с собой? Гляди, народ тут бедный и за сто рублей могут...

Девушка не ответила – сидела теперь в стороне с видом крайне аффектированным. Фиг с ней, тем более что деньги и впрямь не пахнут.

– Спокойной ночи, сударыня.

Н-да, киногорея из него не получалось. Даже на Данди Крокодила не тянул, который, при всей неотесанности, был-таки ЖЕНТЕЛЬМЕНОМ, разя наповал и рептилий, и впечатлительных журналисток. Вдобавок стильный был чувак – у них там, в Австралии, модельеры со стилистами почаще кенгуру встречаются. Одна шляпа с клыками чего стоит! При этой мысли Глебу стало смешно, он вытер руки о засаленный камуфляж и вынул из кармана пачку сигарет. Потянуло на свежий воздух, подальше от психологии.

Ночь была шикарная – как большинство здешних ночей, пропахших разнотравьем. Обрыв, река, звезды. Закурив, подумал, что «на воздух от психологии» его тянет уже давно.

– Жил бы и жил себе! – заверил Глеб невесту кого между парой затяжек и вдруг осознал, что сигарету держит непривычно – в кулаке, пряча огонек. Лет пятнадцать уже так не держал! – Не живется спокойно, дурачок? – спросил у себя, любимого, ощутив вдруг щенячью глупую радость.

Рай земной – это приятно, вот только Еву с Адамом турнули оттуда очень даже правильно! Негоже здоровым людям жить в Эдеме, прошивка у них не та, чего Создатель, разумеется, не мог не предусмотреть. Такой вот был у Него проект – заселение голубого шарика любопытными и активными существами. Прародители выдержали тест-драйв вполне успешно, потому и топчут их потомки эту землю, переплюнув тварей зубастых, бронированных и просто огромных.

– Не живется спокойно, да еще и на философию потянуло.

Смех смехом, а что-то в этом есть. Рай земной под условным именем Эдем устранен был, за ненадобностью, а во всех прочих местах есть своя ложка дегтя. Чтобы не расслаблялись людишки. От избыточного покоя голова тупеет, и простейшие решения даются со скрипом. Сперва избегаешь драк, потом ссор, потом – людей вообще. До тех пор, пока люди сами тебя не найдут, расслабленного как медуза и совсем разучившегося жалить.

Глеб завершил конструктивную беседу с самим собой, пульнув окурок в ночь. Алая искра описала параболу, пуля снаружи не прилетела, значит, жизнь продолжается!

Дремать устроился на прежнем месте, сидя – так холод ощущается меньше. До выхода из пещеры метров двадцать, выстрел картечью свалит любого, кто сюда сунется, а там поглядим. Нож еще есть – даже два. А у ТЕХ кто-то явно ранен. Приходите, тараканы, я вас чаем угошу!

Не проспать бы только...

* * *

– Бекас, подъем! Шухер, Бекас!

Южная ночь полна суетливой жизни, пахнет страхом и кровью. Правая рука находит «калаши» под боком, левая дергает молнию спальника – все на рефлексам, думать некогда. Перед лицом маячит Клевер, шустрый хлопец, прибившийся к «диким гусям» месяц назад.

– Румыны лезут, Бекас! Караул уже вырезали, бя!

Хриплый шепот в лицо, блеск фикса, запах хорошего местного коньяка и дешевых сигарет. Глебу запах не помеха – кровь и страх ничем не заглушишь.

– Тихо, не базлай, – оттолкнуть Клевера, перевернуться на живот, предохранитель вниз.

Лежит вокруг степь (приднестровская? молдавская? да кто ее теперь разберет?!), крадутся из степи шустрые тени – близко совсем!

– А-а, суки! – У Клевера сдают нервы, вскочил, лупит длинной очередью и падает почти сразу. Тени вокруг, их много, обложили!!!

– А-а-а!!!

* * *

Глеб проснулся внезапно, вздохнул, ружье дернулось к плечу – где?! кто?!

Нет никого! Ночь, пещера и тишина.

Спустя еще минуту понял главное – Дины нет тоже. С рюкзаком, естественно! Мимо, на выход пройти не могла – он проснулся бы, да и не спуститься ей оттуда. В пещеру ушла, идиотка, амбиции заели!

Спешить не стал – покурил для начала, переваривая сон, попробовал вспомнить о пещере хоть что-нибудь. На ум пришел только рассказ Петровича про «дырку в скале» – вдруг туристы поглазеть захотят. Еще представился муравейник в разрезе, тысячи ходов с тупиками, но это уж так, дань воображению. Гораздо важнее сейчас фонарик (есть такой в НЗ) да часы с подсветкой. Сорок минут дремал, не могла она далеко уйти.

Прямой коридор завершился быстро – дырой слева. Приличия ради Глеб покричал у дырки классическое «ау!», но ответа не последовало. Еще чуток поразмышлял, не послать ли глупую женщину к ее же маме, оставив куковать в лабиринтах, но потом отбросил и эту идею. Помимо того что надо соблюдать «жентельменские» манеры, еще и уплаченные деньги нужно отработать. Заодно и согреемся!

Спустя минут двадцать «кроличья нора» вывела его в мир совсем даже не волшебный. Каменный свод ощутимо давит, на стенах появилась влага, пол скользкий. Главное – множество дырок в стенах, уводящих невесть куда! Глеб покричал в каждую, для порядку, две ответили женским переключением... или не женским? Луч фонаря осветил узкие ходы, вниз, под крутым углом. И что дальше? Нить Ариадны искать? Сложно тут с нитью – скорее Минотавра встретишь. А дырка... ну пусть будет левая. Один из способов не заплутать – выбирать из всех ходов только левый (или правый, без разницы), и тогда движение твое по лабиринту становится вполне осмысленным. Сейчас и проверим! Глеб с трудом протиснулся в дыру, съехал неловко, приземлился жестко. Снова коридор, ходы, дырки. Кричим «ау!», выбираем левую...

Дину он нашел в одном из ходов – скрюченный силуэт у стены, почти окаменевший. Глаза открыла не сразу, тут же зажмурилась.

– Убери свет. А-а, это ты. А я вот... задремала...

– Интересно. Я тут рыскаю, как пещерный медведь, а она дрыхнет! Какого тебя сюда понесло?!

– Выход искала. – Узкие ладони прошлись по лицу, будто сдирая маску, голос остался тусклым. – Решила сама выйти, а тут вот... замерзла... духов видела...

– Чего?! Каких еще духов?! Глаза открой! – Мандраж накатил на Глеба реально, заставляя его суетиться. Сон, переохладение?! Или...

– Духи добрые, говорили со мной... – Голова Дины дернулась от пощечины, рот поплыл криво в сторону, будто пластилин на жаре. Маму вашу так!!!

– Вставай, блин, духи тебе... щас покажу тебе духов! – В панике Глеб вlepил Дине еще пару неромантичных затрещин (ноль эмоций!), потом она упала ему на руки, и пришлось тащить ее. Фонарь в зубах, ружье за спиной, надо быстрее вылезти повыше! Если газ тяжелый – уйдем! Башка уже плывет, звенит, все, скоро совсем аллес. Выше, выше, в дыру, в осклизлый переход, еще!

...Целую вечность спустя он понял, что выживет. Наверное. Если выберется отсюда хоть когда-нибудь.

Потому что заблудились они качественно и всерьез...

Глава 4

Специфика таежной контрразведки

Майор Гайтанов начал день с сущей бюрократии. Отчетность готовил к полугодовому совещанию. В суровой государевой конторе под названием УФСБ по Республике Златогорье отчетность весьма ценилась – иногда больше, чем сама работа. Константин Гайтанов, дослужившийся здесь до опера-важняка², бюрократию давно принял как неизбежное зло и махнул на нее рукой. Щелкал нынче с утра по клавишам компьютера, выделяя фрагменты текста, компоновал «Справку об изменениях в оперативной обстановке», плановые позиции помечал. И так увлекся этим занудством, что телефонный звонок заставил его поморщиться.

– Аллю! Видали и поздоровей, Степан. Сегодня? Ну, давай, по прежнему месту.

Звонил «источник» – один из многих, таскавших «оперативно значимую информацию» в бездонную копилку управления. Человеческий капитал, достояние опера, пчелка рабочая... хотя этот скорее трутень. Исключить его из аппарата руководство не позволяет, а сам он, при полной своей никчемности, крайне навязчив.

– Достал ты меня, – сказал Гайтанов замолчавшему телефону, производя в уме нехитрый расчет: двадцать минут на дорогу, обратно столько же, беседа полчаса минимум. Как раз до обеда. Если перекусываем на встрече – в обеденный час выйдет порешать собственные «головняки». На рынок заехать, машину в сервис загнать... да мало ли что. Оперу точная явка с обеда не требуется, но и «легенда» лишняя не помешает – чтоб не злоупотреблять терпением начальства.

Через пять минут Гайтанов заглянул в кабинет к Баиру, своему непосредственному боссу, изобразив на лице выражение крайней деловитости:

– На пару часов выскочу. Домовой звонил, вроде интересная информация.

– Интересная? У Домового? – Меланхоличный айланец Баир Ботоев изобразил на круглом лице максимум скепсиса. – На справку наговорит?

– А я знаю? – Гайтанов пожал широкими плечами. – Это ж странный человек, у него всяко бывает.

Спустя еще полчаса важняк сидел в местном заведении «Ак-Тау», смакуя ломоть печеной баранины с травами. К мясу здесь подавали горячий бульон, способствующий пищеварению и очень любимый за это многими национальными кухнями. Гайтанов, употребивший немало бульона под жижиг-галныш³ в далекой отсюда Чечне, выводы сделал еще тогда и случаев поправить здоровье не упускал.

Что пищеварению явно НЕ способствовал, так это разговор с нынешним собеседником, субъектом неопределенных лет, люмпенской внешности и неясного образа жизни.

– Бабки нужны, начальник, – завел субъект привычную песню, не успев еще за стол пристесть. – Реальная тема выплыла, с наркотой, хочу замутить.

– Тема – это хорошо, – кивнул майор и последующие минут десять расспрашивал Домового с ленивой въедливостью, не упуская ни единой детали. Информация, как и предполагалось, не стоила даже потраченного бензина. – Послушай, Степа, ты опять все забыл, да? Пьяные семейные разборки – это работа не наша и даже не уголовного розыска. Максимум для участкового, понял? Даже если участники разборок регулярно курят «траву» или ширяются. Ты меня за этим звал?

– Ну дык... я знаю, где берут «траву»!

– У цыган? В Нуйме? Тебе, может, улицу назвать?

² Важняк – старший оперуполномоченный по особо важным делам (*проф. сленг*).

³ Жижиг-галныш – отварная говядина с галушками и толченым чесноком.

– Ну дык... Константин Сергеич, я ведь всегда чем могу! Китайцев на той неделе видал, толпа целая! В горы собирались. А на хрена им наши горы, когда у них свои есть?!

– Китайцы – это хорошо... – Очередной кусочек мяса оказался жестковат, и Гайтанов потянулся за зубочисткой.

Припомнил заодно краткую биографию Домового – бывший геолог, судимый, спившийся. К негласному сотрудничеству привлечен еще при Советах, для «оперативного обеспечения» границы с Монголией. Последние лет десять висит балластом, отнимая время оперработников.

– Китайцы были группой? С русским гидом? По маршруту шли? Ну, это шпионы, ясен перец! Все, Степан, хватай ружье, едем брать!

– Мы?! Ну дык... все шуткуешь, начальник, издеваешься над человеческим нездоровьем! Грех это!

– Оба-на, да ты верующим стал, Степан?! Может, в монастырь подашься на склоне лет? Бросишь бухать, просветлеешь лицом?

– Скажешь тоже, Сергеич! – Мутный субъект хохотнул, отчего на шее выступил острый кадык, потом во взгляде мелькнуло что-то. – Во, еще вспомнил! Сектантов люди видели! Странные, черти, со стволами!

– Прямо со стволами? – съерничал Гайтанов машинально, уделив внимание бульону. Пересолен, кажется. Ну точно! – И что за стволы?

– Нормальные! Ружья, карабин с оптикой! Этих четверо было, через Усть-Куташ в горы шли.

– Может, охотники?

– Ну дык... на кой им молитвы петь, охотникам-то?

– А они пели?

– А как же? У одного местного на ночь зависли, заняли сарай, и пошел хор Пятницкого! Местный сам не лох, в церкви бывал, но таких песен сроду не слышал. Про Бога, про братство какое-то!

– Ясно. – Аппетит у Гайтанова пропал, вдруг, что удивило самого майора. Заинтересовался, что ли? Молодость вспомнил, первые свои дела? – Ну даешь, брат! Ладно, с паршивой овцы, как говорится... Нам песня строить и жить помогает! – сказал майор назидательно, вынимая ручку с блокнотом. – Только разные бывают песни, а потому проверим, Степан, обязательно. Да ты кушай, мясо остывает. Рубай и рассказывай...

Из заведения Гайтанов вышел потяжелевший и вполне довольный жизнью. Улыбнулся ветру и окрестным горам, поймал пару встречных улыбок от особ женского пола. Подумал, что неплохо бы вздремнуть чуток, но это уж выйдет перебор. Патриархальность здешней жизни слишком расслабляла, особенно после прежних мест, куда заносила его судьба. Спортивную форму держать пока удастся, а вот мозги вовсю «плывут», и привычки появляются одна другой ленивей. Может, и фиг с ними? Не мальчик уже, набегался к своим тридцати трем! Другие пускай бегают!

В кабинет майор вошел почти проснувшийся, но от бодрости далекий. Коллеги сплошь в отпусках, придется одному воз тянуть. Безопасность обеспечивать на отведенном участке. Искать террористов и шпионов в маленькой национальной республике, где большинство населения до сих пор верит в духов, а продвинутое меньшинство делит кресла по родоплеменному принципу. Сам сюда напросился из большого города!

Врубив комп, Гайтанов вспомнил об отчетности, но эта мысль была им с презрением отброшена. Делом надо заниматься! Экран, пароль, файл. «Секретно. Экз. № 1. Справка о встрече...» Несколько справок выходило, и все, увы, никчемные. В первой майор старательно раздул тему китайцев – смех смехом, а контрразведывательный аспект никто не отменял. Передадим бумажку смежному оперу, пускай проверяет. Вторая бумага: информация для милиции

– про жуликов, любителей курнуть косяк и похулиганить в таежном селе. Адрес имеется, пара фамилий, пара кличек – сойдет на безрыбье. Опять же, галочку срубим за взаимодействие с правоохранительными органами!

Перед третьей справкой Гайтанов уделит время чайнику и коробке с «Липтоном». Подумать следовало, мозги взбодрить. Информация про «поющих охотников» не тянет и на абзац – сплошные абстракции. Начальнику управления такое не доложат, и даже Баир будет долго кряхтеть и языком цокать. Умный, типа! Не понимает, типа, что такое для опера Их Величества Статистика и Отчетность!

* * *

«Согласно информации источника, 30.07.2010 г. в н. п. Усть-Куташ (Турагайский район) местными жителями замечены четверо вооруженных лиц, предположительно принадлежащих к неустановленной религиозной структуре. В населенный пункт прибыли в вечернее время, переночевали в надворной постройке одного из местных жителей (установочные данные подлежат выяснению). Утром 31.07.2010 г. вышли в горы, не сообщив местным жителям конечную цель пути. Транспортных средств у данных лиц замечено не было. Из внешних примет источник назвал короткую бороду у лидера группы. Одеты все четверо в брезентовые туристические костюмы защитного цвета, при себе имеют рюкзаки. Вооружение: ружья охотничьи, двустольные, а также карабин марки «Тигр» с оптическим прицелом. В ходе ночевки члены группы хором исполняли песню на русском языке, религиозного содержания, что и позволило владельцу надворной постройки предположить их принадлежность к религиозной структуре».

* * *

На этой фразе вдохновение иссякло полностью. Не пер текст! В таких муках рождался, что впору кесарево делать! Поморщившись, майор вооружился «мышкой» и функцией «выделить» – затер кое-где «местных жителей», вставляя повсюду синонимы. Помогло не очень – все равно муть типичная, из серии «кто-то кое-где у нас порой...»! В качестве передышки Гайтанов подошел к настенной карте, коричнево-зеленые тона на которой при ближайшем рассмотрении обратились в горные хребты и долины, пристально всмотрелся. Вот он где, тот самый Усть-Куташ – просто точка, в стороне от всех дорог. К востоку населенные пункты вовсе отсутствуют, и стандартных туристических маршрутов тоже нет. Дикари, стало быть? Экстремалы или вовсе браконьеры, хорошо вооруженные, с религиозными странностями. Ну-ну...

Компьютер паузу использовал привычно – по экрану вместо текста плыли теперь фотографии-скринсейверы. Пейзажи, натюрморты, портреты. Южные горы, с древней каменной башней. Сам Гайтанов – лет на несколько моложе, в брезентовой «горке» и «разгрузке», с автоматом. Башни кремлевские и снова Гайтанов – поджарый, хмурый, уже со шрамом. Женские лица, улыбки... все в прошлом! Зеркала в кабинете нет, но майор знает и так – пара лишних кило, незаметных пока на крупной фигуре (это пока!), черные волосы стрижены ежиком, шрам на лице никуда не делся, ясен перец. Во взгляде с каждым годом обнаруживается все меньше огня и больше ленивой скуки. Фотографии здешних гор Гайтанов в компе не держал – вполне хватает вида за окном.

С этой мыслью майор изгнал картинки с экрана, и клавиатура запела под пальцами, добавляя к тексту стандартные умные фразы. Установить! Ориентировать! Учесть!

До конца рабочего дня оставалось совсем немного.

Глава 5

Нижний мир

На исходе вторых суток время в пещере остановилось. Исчезло вовсе по причине полной своей ненужности. Темнота, сырость и холод – эти три вещи составляли сейчас доступную вселенную.

– А ведь здесь мы и умрем, – сказала Дина на одном из привалов. Спокойно сказала, без эмоций, с жутковатой готовностью. – Будем бродить в темноте, ослепнем... или не успеем. Воду можно лизать со стен, долго протянем...

– Нравится мне твой оптимизм! – хохотнул Глеб. – Может, за любовь поговорим?!

Говорить было лень. И двигаться. И думать тоже. Сырая темнота вытягивала силы, как холодное море – пловец барахтается, засыпает и счастливым уходит на дно. К бениной маме такое счастье! Двигаться, говорить, шуметь!!! Алкоголь тут, кстати, лишний – теплоотдачу повышает. Оставим его на крайний случай.

– За любовь? Какая любовь в склепе?!

– Нормальная! Неандертальцы вон миллион лет в пещерах любовью занимались под красивым названием «промискуитет». Запомнила умное слово?! Ну пошли тогда, не фиг расслаживаться!

Шли они давно. Только и делали, что шли – не считая коротких привалов на ледяном полу. Сперва решили действовать по науке – из всех дыр только правую выбирать и вправо поворачивать. Не помогло. Нюхали воздух, слушали тишину, пытались напрячь интуицию. Раз почти свалились в подземное озеро. Снова шли – уже чтобы согреться, почти без конечной цели. Сало из НЗ было разделено на крохотные четвертинки, водку Глеб берег, а чеснок, напротив, пустил в расход быстро. Для профилактики. Только пневмонии сейчас не хватало!

Вечером вторых суток (или утром третьих?) заночевали в каком-то закутке, прижавшись друг к другу. Пробовали уснуть, но промозглая сырость быстро разбудила. Пара глотков из фляжки вернула иллюзию тепла. Дина, как всякая женщина, говорить начала первой, и обновить этот поток Глеб не пытался – пусть выговорится, пока крыша не съехала. Про жизнь, про свет, про тепло. Про Новосибирск, где люди платят немало (идiotы!!!) за экскурсию в Златогорье. Про себя саму – мелкую начальницу в филиале иноземной компании. Квартира в кредит, семьи нет вовсе. Главная мечта – умереть красивой.

– А ты почему о себе не рассказываешь? Так нечестно! Почему ты молчишь?

– Думаю.

О себе говорить не хотелось. Сплошное отрицание: недоучившийся студент, невыслушившийся наемник, неудачливый бизнесмен. Отшельника и то из него не получается – сплошная, блин, недоделка! С другой стороны, у друга Бориса, напротив, все перло по жизни, даже с Наташкой – и где теперь Боря?! А Натаха где?! Ладно, забудем!

– Про дауншифтинг слыхала что-нибудь?

– Краем уха. Модное бегство от реальности?

– Почему бегство? – возразил Глеб для проформы, как привык уже в долгих, «сам с собой» беседах. Машешь, бывало, колуном, таскаешь воду или чинишь надворные постройки – и дискутируешь, до посинения! Пытаешься оправдаться перед собой, любимым, вогнать мозг в состояние перманентного счастья! – Почему бегство? Так, подвижка легкая в пользу простоты. Кто-то курит «траву» на Гоа, другим хватает местных пейзажей. Чистый воздух и минимум м...я.

– А ты, конечно, был крутым московским топ-менеджером, устал от красивой жизни и решил «съехать»? Сразу на дно, чтоб не мучиться?

– Угадала. Почти, – сказал Глеб, решив, что стержовность все же не лечится. – И московским был, и менеджером, и «топ». Топал по Москве. За людьми. Супруги неверные и все такое.

– Сыщик, что ли?

– Точно. Сыщик и охранник. Потом свое агентство открыли – сопровождение и антирейдерство. Нормально поднялись.

– А потом, конечно, КРИЗИС?

– Он самый. – Боль шевельнулась в черепе застарелым похмельем, аж зубы сжались. Кирилл, Киря, Кирюша... сука ты эдакая! – Кризис-шмизис... кончилось все, короче. Тебе детали нужны?

– Нет. Отдохни немножко, забудь обо всем.

Ее ладонь оказалась теплой и чуть колючей, будто электричество. Мелкие разрядики, унимающие боль и тревогу. Словно руки матери... или женщины, о которой всегда мечтал. Очень далекой отсюда женщины...

* * *

...Год 1988-й, весна, вечер. Окраина Москвы. Жидковатый вкус пива из канистры, ядовитый дымок «Астры», переполненный зал ДК. Крутится зеркальный шар под потолком, цветомузыка мигает в такт Андерсу с Боленом⁴, народу не протолкнуться. Девчонки сплошь клевые: кожаные мини, чулки в сетку, прически «взрыв на макаронной фабрике». Пацаны в спортивных костюмах танцевать не спешат – толются у стенок, только взгляды по сторонам бросают. Может, «склеят» кого, а возможно, и с чужими зацепятся, толпа на толпу. Скучно по-любому не будет – на то она и дискотека!

– Глеб, зазырь, какой чувак!

Человек, стоящий у входа, внимания заслуживает, чего уж там! Будто из импортного видеофильма выскочил, угодив ненароком в окраинный Дворец культуры! Высокий, строен, плечист, волосы длинные, роза благородная насквозь... принц хренов, короче! Мужики на такую публику реагируют вполне предсказуемо – кулаки, видать, у многих зачесались. Пяти минут не прошло – повели патлатого на улицу двое, очень проблемного вида – стрижены наголо, в жилетках из телогреек с трафаретным «орлом-монтажной» на спине.

– Ты куда, Глеб? Решил вписаться за этого? Ну на кой?!

– На той! Замесят дурака, потом менты понаедут, разбор начнется.

За углом все предсказуемо – трое на одного.

– Эй, братва, че за проблемы?!

– Проблемы у тебя будут! Вали, козел, пока не огреб!

Быстрая свалка, свист нунчаков, вкус крови во рту. Свои пацаны уже вывалили толпой, а от двух пришлых остался только топот бегства.

– Ну че, живой? Нафуя тебя в пролетарский район занесло в таком прикиде?!

– От скуки. А вообще позволь для начала тебе благодарность выразить. Я Борис.

– Глеб. Во, блин, клево, как этих... святых, да?! Борис и Глеб! Каждый день трындят про это... тысячелетие крещения Руси, а тут вот оно! Покурим?

– Давай.

Пачка «Родопи» против дефицитнейших «Мальборо», разговор ни о чем и обо всем сразу.

– Ты, вижу, совсем недавно кирзачи снял, – проявил Борис чудеса проницательности. – До сих пор гудишь без тормозов?

– И гужу! За тормоза мои не волнуйся, там все смазано! Учусь, между прочим, на рабфаке, поступать думаю!

⁴ Андерс Томас, Болен Дитер – участники группы Modern Talking, популярной в середине – конце 1980-х гг.

– И куда, если не секрет?

– На журналистику. А че, работа клевая, страну поглядеть можно. Согласен?

– Бесспорно. Слушай, дружище, у меня к тебе предложение, как к будущему студенту. У нас на днях намечается маленький сейшн, только для своих, но тем не менее. Ты сегодня сделал жест доброй воли, как сейчас модно говорить, показал мне изнанку московских окраин, а я, в ответ, хочу предложить тебе экскурсию в центр...

...Полумрак огромной квартиры, сладкие ритмы *Scorpions*, аромат хороших духов вперемешку с дорогим табаком. Борис мнет в танце эффектную герлу в юбке-«варенке», а Глеб пока не у дел. Со скуки срисовывает мишень неприметную и слишком скромную для здешней тусовки. Юбка, блузка, кофточка, косынка прозрачная поверх простой прически каре! Взгляд прямой, без лишнего кокетства.

– Привет! Станцую?

Она кивает, и прозрачный платочек падает с плеч, будто облако.

– Меня Глеб зовут. Ты, наверное, это... Кристина какая-нибудь?

– Наташа. Я похожа на дочь Пугачевой?

– Не-а. Просто у всех тут имена такие... финдибоберные! Блин, ерунду, наверное, говорю?

– Угадал. Хорошо, что сам это понимаешь – значит, не все потеряно.

– А ты ехидная! – ухмыляется он и осознает вдруг важнейшую вещь.

Объект по имени Наташа – чужая здесь!

Не менее чужая, чем сам Глеб!

– Может, это... погуляем? Подышим кислородом, побазарим за любовь. Москву тебе покажу...

Иногда итог беседы ясен сразу. Есть фразы, которые нельзя говорить первой встречной, и есть девушки, которым нельзя говорить определенные фразы.

– Знаешь что?! – Глаза ее становятся ледяными, с легким оттенком брезгливости, рука рвется прочь из мужской ладони, но Глеб не отпускает.

– Тихо, тихо, тихо. Я все знаю, можешь не говорить! И Москву можешь не смотреть, но любовь тебе чем не нравится?! Между прочим, это... как его... биохимическая реакция организма, а для реакции кислород нужен! Что ты имеешь против кислорода и химии?!

Поддействовало, как ни странно. Взгляд теплеет, ладошка расслабилась, а тут и музыка другая пошла. Второй медляк подряд, вопреки всем законам дискотеки! Тягучее что-то, незнакомое, щекочущее душу до самых ее корешков.

– Прелесть! «Порги и Бесс»...

– Че?

– Это колыбельная, из оперы. Ты не знал?

– Ну, как тебе сказать... давно я че-то в опере не был!

– Очень плохо, – качает она головой, не принимая шутки. – Еще москвич, называется! Что ж, придется срочно заняться твоим просвещением, если раньше не сбежишь...

* * *

Проснулся резко, будто кипятком обдали изнутри. Холод по коже, шум крови в ушах. Мышцы сжаты близкой опасностью.

Рядом кто-то есть! Чужой!

СОВЕРШЕННО ЧУЖОЙ!!!

– Глеб...

Его левая рука стиснула плечо девушки, правая ищет ружье... не находит...

Кто-то шел прямо к ним – не скрываясь, цокая подковками каблуков, сопя, фыркая. По полу, левее, выше... ПО ПОТОЛКУ?!

Нервы сдали – палец вдавил кнопку, луч фонарика пробил тьму коридора. Уперся в стену. В цоканье каблуков (когтей?), нарастающее из тьмы. Вникуда!

Кажется, Дина застонала. Кажется, Глеб сам чуть орать не начал. Невидимое приближалось, цокая, дыша хрипло.

– Гле-еб...

ЭТО замерло совсем рядом. Ворчанье тихое, кашель, сопение. Цокот – прямо сквозь них, на потолок, прочь.

Боль в пальцах пришла позже – разжал кое-как, выпуская ружье, воздух из груди вышел шумно.

– Что... что это?!

– Сама как думаешь? Вот и я не знаю. В домах и то, говорят, всякое водится, а тут пещеры, миллионы лет!

– Пойдем быстрее, Глеб!

– Да не суетись ты! Раз мы еще здесь, значит, жрет ОНО не людей. Может, вообще эффект акустический – по другой пещере кто-то ходит, а мы слышим!

Храбрился, конечно. Трусом сроду не был, но лучше бы пару медведей встретить, живых, теплых, ПОНЯТНЫХ! Айланы, к примеру, пещер вообще боятся – искренне считают их врагами в нижний мир, где живым не место. При всем своем миролюбию перестрелять готовы приезжих археологов, регулярно вскрывающих то, что человеку вскрывать не положено, отчего случаются потом землетрясения и прочие напасти. Мы, конечно, люди современные и трезво-мыслящие, но тем не менее... ОНО ВЕДЬ БЫЛО!

– Если слышали оба, значит, еще не рехнулись. А из центра Земли ничего хорошего выйти не может. Нефть разве что. Вверх пойдем, ближе к небу!

* * *

Духов встретили не скоро. Где-то в центре пути, густого, как вакса, и черного, как сама безысходность. Услышали неясный шум, потом пришел запах, потом...

– Гле-е-еб!!!

Темнота вокруг взорвалась визгом и клекотом, фонарик мигнул на последнем издыхании.

Духи!!!

Сотни, тысячи! Шелест крыльев, ветер, шлепки!

– Мыши! Динка, это ж мыши!!!

Трудно обрадовать женщину такой новостью – ведьма визжала уже вовсю, нетопыри метались вокруг, хаос полнейший. Хаос жизни, которой не может быть в склепе!!!

– Мыши, дура, живые, летучие! Наружу летят!

Кажется, он плясал. Такие коленца выделявал, что куда там гопаку! Бежал вприпляску, свет гнущего фонаря не давал упасть, а потом и фонарь стал не нужен. Пещерная ночь затеплилась рассветом, и вскоре солнце резануло по уставшим глазам, заставляя зажмуриться от яркости жизни.

Свет, шум реки, вкуснейший воздух!

Счастье!!!

* * *

Переоценка реальности настала позже.

Осознание банальной мысли – умереть можно по-разному!

Обрыв, скала, река. Очередная дырка в скале, откуда не спустишься по причине полной отвесности. Бурная Хотунь внизу со стремниной и валунами, где перемелет тебя, как в том блендере.

Без вариантов!

Счастье первых минут сменилось тоской, потом пришла злость. Бесконтрольная, слепая, от которой бьются башкой в стену и грызут решетки. Вместо решеток тут был обрыв, и Дина кинулась туда, перехваченная Глебом уже на краю. Еще чуть позже на смену злости пришло осознание – назад дороги нет. Вообще нет! Опасность видимая, солнечная и красивая, не шла сейчас в сравнение с возвращением в катакомбы.

– Плавать умеешь?

– По горным рекам? Сплавлялась как-то на рафте.

– Вот с рафтом сейчас проблемы, – сообщил Глеб озабоченно, сооружая из брючного ремня крепеж для ружья. К руке привязать или движение скует? Патрон вынуть, упрятать поглубже. – С рафтом – оно в следующий раз как-нибудь, а сейчас смотри на реку.

– И что?

– Излучину видишь? Бревна, мусор навалены. Нас, при хорошем раскладе, должно вынести как раз туда. Задача минимум – беречь башку от камней. Вопросы есть?

– Нет, – сказала Дина спокойно, и ее синий рюкзак мелькнул над кромкой обрыва – вместе с хозяйкой. Красиво пошла, «ласточкой», будто в бассейне. Глеба, с его ружьем, хватило только на «солдатик». Удар, плеск... здравствуй, в общем, река Хотунь!

Глава 6

Гонки с препятствиями

Бежать по тайге – удовольствие ниже среднего. Скользящая хвоя, и ветки в лицо, того гляди, ногу себе сломаешь или глаз выхлестнешь... тьфу, тьфу, тьфу! Ладно, пневмония сейчас опаснее – в мокрой насквозь одежде, из ледяных объятий горной реки. Бежать надо, сушить на себе!

А объятия были что надо! Не хочется до банальностей опускаться, но – щепка и водоворот. Никаких иных ассоциаций, да и мыслей уже никаких. Ураган с ласковым именем пронес мимо крупных валунов, берег встретил два тела в предполагаемом месте, пальцы вцепились в мусор. Выбрались, в общем. Все на том же бешеном адреналине Глеб поднял Дину, порывавшуюся лечь пластом на землю, погнал вперед тычками. Дыхание сбилось вмиг, зато согрелись. На шаг перешли. Плевались, хохотали, вопили, будто подростки под кайфом. Потом адреналин в крови иссяк, оставив лишь тошноту и мокрую одежду.

– Ладно, привал, – кивнул Глеб, вспомнив про «боевую усталость». Отдыхать надо, граждане!

Первый сюрприз преподнесли спички – промокли, несмотря на полиэтиленовую запайку! Горючее зажигалок спалили еще в пещере, единственный патрон Глеб решил поберечь, еды не осталось вовсе, а вот фляжка внушала оптимизм. Скромный оптимизм, глотков на несколько.

– На, хлопни разок. – Глеб протянул сосуд Дине, которая мыслями явно была еще в пещере – на реку глядела и готовилась прыгать. Пусть себе готовится, не в этом проблема.

КУДА ИДТИ?!

Таежником Глеб за полгода так и не стал, жизнь свою здесь привязывал к дорогам и турбазам. Вариантов пути при таком раскладе примерно 360 – по числу градусов в круге. Карту республики кое-как помнил: цивилизация базируется на северо-западе, и вдоль берега Хотуни к людям выйдешь непременно. Если сил хватит. Златогорье, к счастью, не красноярская тайга, регион вполне обжитой, но возможностей помереть тут тоже хватает. Основу выживания составляют сущие мелочи, которым в городе рупь цена – качество обуви, к примеру, да и само ее, обуви, наличие. Глеб про сухие портянки и разношенные сапоги все знал еще со «срочки», а дальнейшие годы настроили его не в пользу многих брендов, даже когда денег было завались. Он до сих пор уважал советские кожаные кроссовки – без всяких «анатомических подошв», зато крепкие, как копыто бегового коня. Сейчас таких не шьют, увы. Срываясь в свой бессрочный даун-шифтинг, Глеб уже здесь, в Сибири, купил произведение местной фабрики: бурая толстая замша, простроченная на пять рядов. Короткое лето истрепать замшу не успело, а вот речная купель явно не пошла ей на пользу. Набухли кроссовки, фиг просушишь. С ногами Дины дело обстояло получше – белоснежный «найк» хлебнул таежных реалий, но форму терять не спешил. Что нужно было сменить, так это носки, если найдутся в ведьмином рюкзаке сухие, и тем самым удастся избежать кровавых мозолей.

Дина закашляла, прерывая практичный ход мыслей, – тяжело и долго. Очень нехорошо закашляла. Глаза усталые, лихорадочный румянец.

– Ты как? – спросил Глеб для проформы, уже роясь в кошель. Спички кошелек не уберег, а вот лекарства... живы вроде. Что у нас тут из антибиотиков? Или сперва парацетамол дать? – В груди болит? Температура есть?

– Не знаю. Поспать бы. Не могу уже идти.

– Нельзя, Дина, ты ж мокрая вся! Влезем на хребет, будем греться! На вот, проглоти таблеточку, полегчает!

Врал, конечно. До заката, судя по солнцу, несколько часов, на подъем не хватит. Хотя бы открытое место успеть найти. Патрон начинить тряпкой или сухим мхом, пальнуть в костровище – тут тебе и огонь, и ночевка.

– Проглотила? Умница! Все, пошли!

– Не могу...

Дине сейчас было хорошо – мультикам улыбалась, нарождавшимся перед внутренним взором. Цветущая сирень, лицо бабули, терпкий запах духов... Ted Lapidus, кажется? Первые в жизни духи, подаренные крутым парнем Тимуром. Танцевать он так и не научился, зато понял, что цветы иногда дороже золотых цацек... как давно это было! Расслабиться и плыть туда, где нет ни леса, ни холода. Отдаться течению...

– Что ты делаешь?

– Греюсь, – пояснил Глеб терпеливо, поднимая ее на руки. – Чем еще заняться в это время суток?

– С ума сошел, я же тяжелая! А ну, пусти!

– Я раз сутки мужика тащил, совсем безногого. – Сейчас Глеб глядел исподлобья, очень серьезно, куцая бородка приняла вдруг вид мрачный и разбойничий. – Он мне тоже высказывал глупые просьбы, типа добить или бросить.

– А ты отвечал, что русские своих на войне не бросают? – хмыкнула она, поддаваясь злобному обаянию. Будто в кино, где оборванные люди с грязными лицами встают в сотый раз из окопа, и многотонная крупновская броня застревает в их костях, потому что «Ни шагу назад!» и «Позади Москва!». Бесчеловечно это и осуждено современной гуманной цивилизацией, но... есть в этом что-то. Гораздо ярче и сильнее любых «мультиков» – аж волной горячей обдало, прямо сквозь мокрую одежду!

– Я отвечал, что язык ему отрежу и яйца, если не заткнется.

– Мило. Это враг был?

– Сослуживец. Жить не хотел, а вот погремушек стало жалко – так мы с ним и вылезли. Готова? Или за ноги взять?

– Пойдем, садист, отвяжись уже от бедной девушки!

Тропинка тут не было вовсе, даже звериных, водопойных. Поросль выше колена, кедровый шатер над головой, завеса папоротника, скрывающего ямы, корни, поваленные деревья. Дина следом шла кое-как, у самого ноги вмиг истерлись. Способы поднять дух лезли в голову сплошь идиотские – вроде пепси выпить с растворимым кофе. Таежник, блин! Дерсу Узала хренов! На кой было сбегать в дебри, чтобы научиться за полгода только дровосечеству и пьянству?! Окочуритесь оба, фауна местная растащит на части, вещи сгниют. Ружье, кошелек, рюкзак с деньгами и бабскими шмотками. Да, еще телефон там есть – натуральный iPhone со сдохшей напрочь батареей. Сам Глеб от цивилизации в виде электронных гаджетов избавился еще в Москве, о чем ни разу с тех пор не жалел. До сегодняшнего дня.

Додумать не успел – спуск по склону вывел их на прогалину, прямо к здоровенной бурой туше.

– Ой! – сказала Дина, забыв про болезнь.

– Замри, – сказал Глеб, найдя ладонью приклад ружья. – Пятимся аккуратно, и не вздумай бежать.

– Умр-р, – сказал медведь, повернув лобастую башку. Тихо сказал, но очень выразительно. Горожанину, выдавшему мишку только в зоопарке, пары таких слов хватает для полной потери самоидентичности. Двум измотанным людям стало просто страшно. Но не очень. Никакого сравнения с ТЕМ, цокающим когтями во тьме!

– Отходим, отходим... умничка. Теперь разворачивайся и топай спокойно, я сам оглядываться буду.

Глеб ружье держал наготове, но больше для проформы – картечь топтыгина только разъярит. Делал ставку на звериное благоразумие!

Оправдалась ставка частично – атаковать мишка не стал, но присутствие его Глеб ощутил уже вскоре. Навязчивое такое присутствие, вовсе не похожее на классическое «скрадывание». Ветки шевелятся, ворчанье слышно. Или у них, бурых, любая охота «по-бурому» идет? И что тогда – мертвым притвориться, бежать навстречу с воплями... какие там еще забавные способы есть в книжках? Зверь летом сытый, может и поддаться, но проверять неохота. Не располагают к экспериментам пять центнеров зубастого веса, решившие зачем-то брести по твоему следу! Радовало сейчас только одно – Дина от зримой опасности взбодрилась и шла уже не отставая. Кашлять, правда, не перестала. Ночевку на холодной земле не выдержит – костер придется разжигать, подумал Глеб. Собрать по пути максимум хвороста и пожертвовать-таки патроном.

В самый разгар планирования дальнейших действий Глеб ощутил запах дыма. Кусты позади продолжали шуршать, хворост в руках мешал движению, Дина очень нервничала. Все сильнее хотелось пальнуть по кустам, не заморачиваясь. Тут он и пришел – запах. Близкий, отчетливый. Аромат жизни и тепла, ставший за эти дни почти мечтой!

– У меня глюк, или ты тоже чувствуешь? Ну, не отставай тогда!

Про осторожность вспомнил уже в двух шагах от финиша. Чокнутые парни с ритуальными ножами, бандюки местные – да мало ли кто тут есть?! Дергаться, впрочем, поздно – пора знакомиться!

Глава 7

Странности продолжают

Дом – типичное зимовье. Бревна, срубленные «в чашу», ошкуренные вьюгами, промытые ливнями и прокаленные горным солнцем до цвета старой кости. Крепкая крыша, узкие окна, защита от зверя и дурной погоды. Практичное охотничье жилище, никакого сравнения с «теремком», где Глеб недавно подвизался!

Аккурат за порогом благодать заканчивалась. Бардак здесь царил, пошлый и для охотников совсем нехарактерный. Дощатый стол весь в следах от «бычков», консервные банки соседствовали с пустой стеклотарой, постель на широком топчане разворочена и замурзана. Мешок сухарей (явно местный запас) вспорот и рассыпан наполовину. Свинство, в общем. Полнейшее нарушение всех неписаных таежных правил!

– Ну, здравствуй, цивилизация – мать... твою, – проворчал Глеб, не торопясь заходить. Печурка давно погасла, хоть и не остыла, личных вещей и прочих признаков жизни не видно. Обладатели таковых, судя по всему, покинули уютный домик часа полтора назад – да оно и к лучшему! – Здесь и заночуем. Я смотрю, там даже банька есть!

– Класс! – выдохнула Дина, опускаясь прямо на пол. – Можно я усну, а?

– Нельзя. Лечить тебя буду, да и вообще – мутно тут все. Нормальные люди под вечер в тайгу не уходят. Сиди тут, а я пока осмотрюсь.

Следующие полчаса ушли на детальную разведку местности. Тем более что никто тут своих следов особо и не скрывал. Трое, в кроссовках, абсолютно чужие для этих мест. Много курили и пили. Били бутылки о стену дома, пинали по ним со всей дури (кия-я!), бегали друг за другом. Оружия при себе явно нет – не удержались бы, пальнули хоть разок по тем же бутылкам. Пытались баню топить, напустили дыму, но больше дрова замочили. Идиоты безрукие, в общем. Совсем не похожи на ухватистых ребят с кинжалами-распятиями. Медведя поблизости тоже не видно, слава богу!

– Думаю, можно слегка расслабиться, – сообщил Глеб, обнаружив Дину за весьма странным занятием.

Она сидела на лавке босая, с распущенными волосами, обхватив себя руками. Глаза открыты, но не видят, лицо застыло восковой маской.

– Эй, ты чего это? Тебе плохо?! – Глеб вспомнил пещеру с вредным газом, шагнул к девушке, аж ружье опрокинулось.

Дина вздрогнула, и оживший взгляд уперся Глебу в переносицу.

– Что случилось?

– Это я хотел спросить! Чего ты тут устроила ночь живых мертвецов?!

– Не знаю. Ну правда... – Теперь в ее глазах было смущение. – Понимаешь... оно как-то само, еще с детства. Если мне плохо, или даже не мне... в общем, надо просто нырнуть в себя и найти огонь. Как только увидишь костер, зовешь его за собой, и он... трудно объяснить.

– Да уж. И к чему такие занятные ныряния?

– Так лекарства же нет? А мне вот уже тепло, и кашлять не хочется.

– Ладно, хватит черной магии с разоблачениями! Щас пойдем в нормальную баньку, прокалю тебя, и никакой чертовщины не понадобится!

Оптимизм оказался преждевременным – в жарком предбаннике Дина окончательно ожила и вытолкала кавалера вон. Пришлось, как дураку, пристроиться у входа, уложив ружье на колени и представив себя телохранителем. Невыносимо хотелось курить, запас табака иссяк еще в пещерах, и настроение от этого испортилось еще больше. Глеб даже не глянул на распенную девицу, вышедшую из бани через полчаса. Пускай теперь сама с собой ведет беседу!

Каменка до сих пор пыхает жаром, жизнь показалась Глебу вдруг простой и ясной, будто в детстве. Или – не в детстве, а гораздо позже? Совсем недавно?

* * *

...Год 2009-й, Подмоскowie, зима. Прокаленное дерево баньки втянуло усталость, пар проник до костей, а чай в предбаннике пьется не хуже пива.

– Хорошо, Семеныч? – Лицо человека напротив светится лукавым довольством. – Поинтересней, чем гадость нюхать по своим клубам?!

– Да не нюхаю я, дядь Сашиа, совсем завязал. И пить сейчас стараюсь реже.

– Хорошо, если так. Мы с твоим батькой могли беленькой дернуть по-взрослому, но вот наркотиков до сих пор боюсь как черт лаdana. А то, может, все бросишь да и переедешь сюда? Женишься, наконец! Плохо разве?!

Улица встречает декабрьским морозцем. Добежать вприпрыжку до дома, сумка стоит в сенях, а нужный сверток заныкан на самом дне. Объемистый сверток, хоть и очень легкий. Разрушительная мощность которого сравнима с атомной бомбой – если правильно распорядиться. Реальная цена измеряется в больших нулях – это если купить захотят, а не голову продавцу оторвать. Жуткая, в общем, вещь, пусть пока еще полежит. Гараж у дяди Сашиа хлипенький, там все на виду, пристройки сбиты из крепких досок, но тайные ниши вряд ли найдутся. Чердак, может быть? Или подпол? Хорошо, что снег во дворе заledenел – следов не останется. Не будет дядя Сашиа лишних вопросов задавать, а потому и сам лишнего не узнает...

* * *

На воздух Глеб выбрался уже в ночь. Любопытного топтыгина вблизи по-прежнему не было, окно избушки светило маяком, на этот свет Глеб и пошел. Внутри дома обнаружилась относительная пастораль: стол чист, увенчан горячим чайником, и даже варево какое-то в котелке имеется. Судя по запаху – тюря из сухарей.

– Вкусно! – сказал Глеб с энтузиазмом, продегустировав первую ложку. – Вообще деликатес! У какого светила кулинарии вы учились, мадемуазель?

– Договорись мне!

– Да я серьезно! Жизнь возвращается в мое измученное тело...

Язык Глеба вдруг стал заплетаться, и тут уж магия была явно ни при чем. Разморило от тепла, насыщения и относительной безопасности. Впервые за несколько дней.

– Ты это... доедай, а я прилягу чуток. Ты тоже ложись ко мне под бочок, дадим с тобой жару!

– Ложись уже! – хмыкнула Дина. – Давальщик! Сам вон весь горишь, а туда же!

– Это баня все... щас я...

– Лежи. Расслабься. Я тебе тоже помогу, только не мешай. Не мешай, вот так. Спи-и...

Коловращение, муть, темнота...

* * *

Год 1990-й, весна, пустырь на окраине Москвы. Десяток парней, не очень похожих на студентов, но это студенты. Кося сажень в плечах, ломаные уши, решительные взгляды.

– Есть вариант заработать, пацаны! – сообщил Глеб пару дней назад двоим сокурсникам по журфаку да еще другу своему лучшему, Борису, куда ж без него! – Помните Арика

Шаревича? Ну, который с первого курса вылетел? Торгует сейчас кассетами, уже пару киосков воткнул в нормальных местах. Так вот, вчера навестили Арика злые рэкетиры и поставили на деньги, конкретно. Арик обиделся и зовет нас на помощь. Врубаются, какая тема?! Жлобы не из бригад, просто наглая мелочь, человек пять. Мы соберем десять, объясним дуракам, кто прав, и в кармане у нас кой-чего зашуршит! Еще вопросы есть?

Толпу собрали за день, сейчас перед ними пустырь и вечерние сумерки. Мысли Глеба лезут ненужные – про Наташку, про жаркие ночи в общаге и на чьих-то «флэтах», про планы на женитьбу. Еще есть в его жизни университетский клуб «Позиция», где можно обсуждать полузапретные вещи – про Ленина, к примеру, и про НАСТОЯЩУЮ историю той революции... это, впрочем, чревато. Даже в нынешние, «перестроечные» времена. Именно из-за клуба пригласили сегодня Глеба на беседу, которая на фиг ему не нужна! Не в Большой дом на Лубянской площади, откуда «Колыму видать», – а в машину для начала. В «девятку» цвета «мокрый асфальт».

– Ваш профессор Гришаев, создатель клуба «Позиция», нам вполне симпатичен, потому и хотим уберечь. Его от уголовной статьи, вас лично – от дурных ошибок, а нашу несчастную страну – от нового хаоса. Это ведь, Глеб, вечная беда наших интеллигентов – сперва они, мятежные, просят бури, помогают революциям, а потом их мечта исполняется. Революция приходит, и интеллигенты в нейтонут. Пока не поздно, надо понять, кто стоит за вашим профессором и творит его именем гнусные дела.

Вежливый человек в хорошем костюме, сделавший Глебу разумное предложение, от которого тому пришлось отказаться. Не сложилась беседа. Другие нынче времена, не запугаете! И думать об этом сейчас не время! Пустырь впереди, и народу на нем, по скромным прикидкам, десятка три – мелкота в основном, но заметны и крупные особи. Арматура, дубинки, нунчаки. Веселый и страшный хоровод, где бабку беречь некогда. Серые фуражки вокруг, фуры с железными кузовами, руки заломленные, лицо в пол...

...Снова воля, снова свежий воздух – десяти суток не минуло. Вызов к декану, грозные фразы и очень злые документы. Не место в журналистике хулиганам и рэкетирам! Дом, отец, Наташа.

– У нас будет ребенок!

– Правда? Вот ни фигу себе!

Только детишек и не хватает для полного счастья БЫВШЕМУ студенту, не имеющему ныне ни работы, ни денег! Наташка уходит не прощаясь – чтоб вернуться пару дней спустя. С ребенком вопрос решен, не беспокойся, забудь. Будем жить как жили, о'кей?

...Водка – паленая, мерзкая, под хлеб с вонючей килькой. Чьи-то квартиры и комнаты, долгое похмелье. Лицо профессора Гришаева, сочувствие во взгляде, сухие интеллигентские ладошки пафосно рубят воздух.

– Мы ведь с вами понимаем, Глеб, что драка лишь формальный повод для расправы КОМПЕТЕНТНЫХ ОРГАНОВ! Эти граждане решительно не желают видеть перемен, но мы на них найдем управу! Наш клуб «Позиция», к сожалению, перенасыщен стукачами, но есть и другие люди... я вас с ними познакомлю! Им очень нужны решительные парни, которым нечего терять! Хватит нам беспомощных эскапад в духе Синявского и Даниеля. Бороться надо! Зубами выгрызать свободу!

...Невысокий хлопец без возраста, с простецким круглым лицом и деревянной ладонью. Макс, командир «других людей». Жмет руку, говорит что-то, но слова расплываются и тонут. Коловращение, муть, серая пелена...

Глава 8

Руссо туристо и облик морале

Глеб проснулся легко – будто в детстве. Кружат в уходящем мареве обрывки чего-то приятного, пахнет медом и травами, свет в глаза. День на дворе!

Кто удивил, так это Дина – уже на улице, бодр и вполне здорова. Красива к тому же, во всем ведьмовском шарме! Отстиранные шмотки сушатся на поляне, чайник согрет.

– Ну, ты талант, – удивился Глеб сдержанно, не желая выбираться из сна. Тело после вчерашнего ломит по всем сочленениям, а в остальном... нормально в остальном! Никаких причин пожалеть себя и продлить ленивый отдых. Чудеса!

Тайга этим утром вела себя примерно. Солнышко грело, но не парило, птицы пели, ветки и бревна под ноги не лезли. Тропа даже отыскалась – явно звериная, зато ведущая напрямик на запад, судя все по тому же солнцу! Медведя в тылу не наблюдалось. Полная возможность расслабиться и ощутить себя реальными туристами! Глеб, по привычке последних дней, вспомнил базу и Айлу, потом Петровича... Да и фиг с ними! Свет, в конце концов, на них клином не сошелся, турбаз в Златогорье полно, и работы на них в сезон валом. Признайся уж, что бежишь сейчас обратно из тихого рая, куда грехи не пустили! В цивилизацию поганую сбегашь, где стал вдруг хоть кому-то нужен! Признай и не строй из себя одинокого волка!

Всерьез злиться не получалось. Слишком вокруг красиво, слишком удобна одежда, и вообще – **СЛИШКОМ ВСЕ ХОРОШО!** Такая благодать, что аж сплунуть хочется через плечо, чтоб не сглазить. Год назад все складывалось аналогично, душа развернулась тогда во всю ширь, и даже пресловутая «пятая точка» не учуяла глобальных проблем, готовых свалиться на голову, как бомба с лазерным наведением... ладно, забудем пока. Представим, что нет в этом мире никаких «законов бутерброда», даже для таких, как ты! Учитывая общий процент прежних неприятностей, нынешняя светлая полоска просто обязана быть широкой!

* * *

Людей встретили ближе к вечеру – отмахав уже изрядное расстояние и утомившись. Спустились в очередной распадок, перешли ручей по скользким камням, тут и донесся сквозь заросли шум людской перепалки.

– Стоп, – сказал Глеб негромко, отпихнув Дину с бережка в кусты. – Пройдусь один для начала, воздух понюхаю.

Комментариев, в общем, не требовалось. Не тот случай, чтоб орать с ходу «Лю-у-ди!» и пускать слезу умиления – медведь сейчас был бы предпочтительней некоторых хомо сапиенс! Ружье Глеб, для верности, переломил (патрон в стволе), нож на поясе сдвинул поудобней. В последний момент вспомнил важное:

– Кинжал где? Тот, с крестом?

– В рюкзаке.

– Достань. Если что – бей снизу, в живот или под ребра.

– Легко сказать...

– Ну да, дело непростое. Только если начнут тебя убивать всерьез, сразу все поймешь.

Заросли преодолел тихо, почти без шороха, впереди открылась, наконец, поляна. Двое спорщиков устроились на бревне, побросав рюкзаки. Выясняют, что делать и кто виноват. Оружия при спорщиках не заметно, одеты оба в молодежно-раздолбайском стиле «а-ля турист», за словами не следят. В приличном обществе пары таких выражений хватило бы для серьезного мордобоя, а эти ничего, терпят. Слишком хорошие друзья или просто цену словам не знают?

Выглядят оба лет на двадцать пять, от силы, один черняв, невысок и шустр, второй – здоровяк славянского типа. На сектантов давешних не тянут вроде. Блин, а рюкзаков-то – три! Вон он, третий, за бревном притулился!

Сзади зашуршало громко и беззастенчиво. Глеб обернулся с похвальной быстротой и столкнулся нос к носу с девушкой. Худенькая, в спортивном костюме, короткие волосы выжжены до пергидрольной белизны.

– Вау! – сказала девица без малейшего страха, да и без удивления особого. – Ты еще на фиг кто такой?!

* * *

... – Так вот, я тому козлу сразу все заяснил! Типа, говорю, козел е...ный, ты не в колхозе у себя, понял?! У нас так дела не делаются!

– А он что?

– А че он скажет?! Загасился и умолк!

Чернявый парень по имени Вован обладал редкой для горожанина способностью болтать при серьезных физических нагрузках. Битый час уже топал в гору впереди Глеба, ежеминутно оборачиваясь и почти не умолкая. Сам Глеб (проклятые годы, проклятый табак!) дыхание держал с трудом. Тем более что и говорить с ЭТИМ особо не хотелось. Большинство трепачей безобидны и дружелюбны, но встречается и совсем другая категория. Злобные хвастуны, которым не слушатели нужны, а челядь, глядящая на них снизу вверх. Чтобы превратить слушателей в челядь, нужно их сразу подавить – зашугать, поставить в стойло и далее по тексту. Вован первую попытку сделал сразу, еще при знакомстве. Руку Глебу сдал со всей дури, демонстрируя дружбу с кистевым эспандером. Ладонь Глеба, привыкшая к топору, оказалась крепкой, что парня вовсе не смутило. Как и напарницу его, пергидрольную блондинку по имени Тату (она же – Таня, она же – Тата). Чуть позже, когда Глеб привел к компании Дину, блондинка оглядела ведьму с головы до ног и цапнула за клапан рюкзака:

– Вау, прикольно! Ты че, подруга, с такой КОСМЕТИЧКОЙ в поход собралась?!

– Мне хватает, – пожала Дина плечами. – Открывать не надо, там личные вещи. О'кей?

– Ну ла-адно! – протянула Тату с почти детской обидой. – Я по-простому привыкла, без всяких там...

– Глебушка, а че у тебя телка такая резкая?! – включился Вован немедленно. – Девчонка к ней с полным уважением, а она...

Глеб вздохнул. Глянул вприщур на здоровяка-славянина – с любопытством пялится, но в драку пока не лезет. Спокойный бычок, такому нужна команда типа «Наших бьют!», но этого как раз желательно избежать. Глеб неловко дернул плечом, ружье само в руку съехало.

– Эх, елки! – сказал с искренней досадой, крутанув оружие вокруг оси так, что зрочки стволов мазнули по всей замершей троице. – Бардак с этими ружьями, вечно сами стреляют!

Ремень на плечо, шаг к Вовану, рука вперед:

– Ну что, познакомимся?

– Так уже ведь!

– А с первого раза не вышло, – улыбнулся Глеб добродушно, сжав ладонь чернявого парня со всей СВОЕЙ силы.

– Меня зовут Глеб, а не Глебушка. И никак иначе. Это – не телка, а моя подруга. Хотите – можете идти с нами, а вообще, мы никому не навязываемся. Что скажете?

– Ну вы, бля... короче, не напрягайся, мужик, мы не по злобе. Просто хотели по-людски!

– Да стар я уже, ребятки, для простоты. По имени-отчеству не требую, но от хамства воздержитесь, аллес.

Тяжеловато вышло, резко, совсем не креативно. Отвык он от общения, да и раньше фамиллярностей не любил. Компания, впрочем, тему просекла – потому и шли теперь вместе. Хамить Вован перестал, зато байки его могли сравниться с незабвенной «Бригадой».

– Во, еще лох один был, пробовал нас кинуть! Как мы его чморили потом, ты не поверишь! Сперва предъявили конкретно, потом на деньги поставили, а дальше ваще приколы!..

Компашка оказалась родом из Кемеровской области – услышав это, Глеб ничему уже не удивлялся. Плавали – знаем! Всесоюзная кузница советской эпохи стала к концу 80-х редкостной дырой, обделенной напрочь социальными благами. Пока голодные шахтеры митинговали и пикетировали, сыновья их, плюнув на пролетарскую карьеру, ринулись в рэкет. По всей Сибири наводили шороху, да и в столицу катались, потесняя там «казанских» с «люберецкими». Глеб сибиряков-отморозков встречал пару раз, еще на старте своей охранной работы – воспоминания сохранились самые теплые. Зуд вызывающие в указательном пальце! Нынешняя компания ту пору наблюдать могла лишь со школьной скамьи, но живы традиции, живы! Ностальгия по «крутизне», как они ее себе представляют, – бурость и хамство, если вовремя не обломать. А так ничего, вполне симпатичные ребята. Не бандиты вовсе, мелочь коммерсантская – ИП, ларьки, табак со сникерсами. Дико мечтают прилепиться к кузбасскому уголку, но ростом пока не вышли. В турпоход сорвались, как водится, по дури, да и заплутали без карты. Не нашлось у троицы в рюкзаке ни единого места для геодезических штук, зато булькало там изрядно. Проблуквав пару дней, нашли зимовье (то самое), но задержаться в нем не хватило ума. Было у ребят отчетливое ощущение, что тайга вот-вот кончится, – поперли в ночь, а новое утро встретили помятыми, хотя и бодрыми с виду. Особой злой бодростью, когда все вокруг виноваты в твоих бедах.

– Ты не грузись, Глеб, мы ваще веселые! Шведская семья, если че! Ночью можете смело присоединяться!

– Благодарю. Подумаем.

– Не, ну че ты, реально, как в каменном веке?! У телки... пардон, ПОДРУГИ своей спроси, вдруг ей по кайфу?!

– «Вдруг» бывает только пук, – отозвался Глеб нелюбезно, начиная злиться. Хотел еще про каменный век добавить, где промискуитет (о-очень большая «шведская семья») был как раз в моде. Не успел – тропа привела наконец к очередной вершине. Красотища! А что это у нас вон там, за соседней сопкой?! Да неужели?! – А ну, молодежь, у вас глаза острее! – предложил Глеб ворчливо, скрывая радость. – Гляньте-ка!

– Ептыть, дорога! – проявил внезапные эмоции меланхоличный Коля. Пергидрольная Тату взвизгнула, Вован, напротив, посерьезнел.

– И куда она ведет?

– А тебе не все равно? Главное, до нее всего один переход, а там уже не заблудимся!

– В горах расстояния обманчивы, – проявила мудрость Дина. – Не сегодня же туда бежать!

– А никто, в натуре, и не предлагает! – оскалился Вован радостно. – Щас палаточку поставим, костер запалим!

На этот раз спорить никто не стал.

Глава 9

Ночные шалости

Ночлег устроили тут же, рядом с россыпью громадных валунов. От нагретых камней тянуло уютом, хворосту рядом нашлось в избытке, костер быстро соорудили. Палатка у кемперовчан оказалась двухместной – как раз для «шведской семьи», готовой максимально внутри уплотниться. Глеб, хмыкнув, достал нож и за несколько минут нарубил изрядное количество молодых сосенок. Стволы, лишенные веток, вогнаны были в грунт метров за тридцать от веселой троицы, вершинки состыкованы хитро, сверху легли слоями сами ветки. Нормальный шалаш получился, на ночь хватит.

– Слушай, ты в школе скаутом не был?

– Я был пионером, – отбил Глеб Динину шутку. – А правильные пионеры не только речевки орали про дедушку Ленина!

– Знаю, плавала, – улыбнулась Дина с неожиданным лукавством. – Как у тебя, кстати, насчет главного пионерского девиза?

– Всегда готов!

– Правда?

Ее глаза вблизи оказались столь игривыми, что Глеба жаром обдало. От неожиданности, наверное. После всех предыдущих проявлений ее стервозности. От вопросов Глеб удержался и сумел даже придать лицу выражение свойственное искусственному обольстителю. Дина в ответ такой взгляд подарила, что впору постель стелить. За неимением оной Глеб нарубил еще лапника, а там и темнота, наконец, пролилась с неба. Костер буйной компании запылал вполне приветливо, только идти туда не хотелось. Нарезались ребята. Расслабились окончательно в предчувствии скорой цивилизации. Первые пару рюмок Глеб с Диной приняли охотно, потом жесты Вована стали слишком резкими, а процент мата в разговоре начал зашкаливать. Славяннин Коля попытался Дину обнять и был послан куда надо. Тату громко рассмеялась, а здоровяк налился кровью. Вован хотел вклиниться в ситуацию, но передумал. Взглядом только уколол. Нехорошим взглядом мелкого гопника, отбившегося от стаи, а потому не готового пока вступать в разборки.

– Ладно, господа, пора нам баиньки, – объявил Глеб решительно, чтобы сразу пресечь уговоры. – Кто как, а мы с подругой умотались за сутки.

Дина не возражала. В шалаш забрались по очереди, лапник оказался приятно-пружинистым и почти не колючим. Если в одежде спать. Последнее обстоятельство Глеб попробовал скорректировать, встретив тут же деликатный, но решительный отпор.

– Ну вот, здрасте! А кто меня про готовность спрашивал?!

– Какую готовность? – Изумление в голосе прозвучало искренне. – Ах, вот ты о чем! Это шутка была, невинная девичья шутка!

– Понятно, – хмыкнул Глеб, переворачиваясь на спину. – Такие шутки в приличном обществе зовутся «динамо» и караются по всей строгости!

Пару минут лежали молча, потом ее ладонь протянулась из темноты, пальцы погладили его подбородок запоминающе легким движением.

– Колючий... ты правда обиделся?

– Скорее удивился, – ответил Глеб казенным тоном, выдавая себя с головой. Зацепила все-таки вреднюка! Выгрызла слишком большой кусок в его мыслях и дефилирует там нагло на острых шпильках! – Привык иметь дело с большими девочками, которые знают, чего хотят.

– Я тоже знаю, – прошептала она, и теплые губы коснулись его уха. – Я очень хорошо знаю! Я девочка городская, хочу, чтобы все было красиво, в чистоте, на простынях. А спасителей своих не забываю и умею быть очень благодарной!

Ее поцелуй оказался вкусным – почти как в юности, почти как в первый раз! Вот уже голова кружится, и руки готовы сграбастать, присвоить чужое тело! За секунду до этого она выскользнула, жарко рассмеялась:

– Стоп! Не своди меня с ума, все потом, потом...

Он отстранился, подумав про разницу в годах, щетину на своей физиономии и прочем «не комильфо». Потом уже, пытаясь задремать, понял главное – она им снова играет. Ловит на инстинкты, «цепляет якорек»... примитивная психология, короче. Злости открытие не вызвало. Там глянem, кто кого использует! С этой мыслью Глеб задремал, и даже пьяные вопли у костра помешать ему не смогли.

Как и тишина внезапная.

Даже голос женский, ласковый проник в сознание далеко не сразу:

– Глеб! Гле-еб!

Она стояла рядом, в паре метров от шалаша. Узкий силуэт, белизна кожи, тонкая полоска стрингов – единственная одежда. Таня-Тата-Тату. Ух ты какая!

– Глеб, иди ко мне!

Вот так, значит? В «шведской семье» недокомплект, нужны новые члены? А может, это любовь, хм? Ночная дикая любовь под запах костра и прочую романтику? Да к черту все мысли, когда тебя так вот недвусмысленно призывают! Когда распаляли до этого и душу травили!

Глеб вылез из шалаша. Успел еще заметить безлюдье у костра (а где все?), движение успел засечь краем глаза, сзади.

Вспышка! Боль! Темнота...

* * *

Руки связаны – это оказалось первым и самым поганым из его открытий. Качественно стянуты, за спиной, аж онемели. Свет в лицо, ржанье и матюки.

– Очнулся, Глебушка?! Ну ты, бля, любитель валяться в обмороках, мы аж прих...ели! Не можем без нашего Глебушки шоу начать!

Вована «перло» – разгульно и зло, со всем гопническим куражом. Устоять на месте не может, ходит вприпляску, аж слюна брызгает. Другая картина тоже не радует – ружье теперь у Коли-бычка, пергидрольная Тату вполне одета и глядит на все с жадным восторгом. Дина одета тоже и даже не связана, как он, но толку с нее...

– Зря ты, Глебушка, по-хорошему не захотел, когда тебя звали в компанию! Еще сучка твоя рожу корчила, запахло ей с нами! Запахло, да?! Ну ниче, щас мы заценим, кто тут аристократ, а кто у параша спит!

Глеб промолчал. Не пионер-герой, чтоб бросать в лицо врагу пафосные речи.

– Ты, Глебушка, не ссы, мы не звери! Телку твою щас натянем хором, а ты поглядишь! – На этой фразе Вован стал как будто ростом выше. Сейчас он был всем и сразу: Аль Капоне, Сашей Белым, просто «реальным пацаном», готовым решать судьбы влет. Шагнул к Дине, та затравленно сжалась, подтянув к груди колени, Тату визгливо хихикнула. Коля-бычок отвесил губу, сейчас слюна потечет. А путы на руках не такие уж крепкие – толстая веревка, не прилегает плотно!

– Эй, погоди! – заторопился Глеб. – Чего беспредел творите?! За бабу сядете все, а на зоне задницами отвечать придется!

Зря сказал! Зацепил, видать, давние комплексы, Вована аж подкинуло.

– Глохни, падла, порву щас! Какая зона?! Кто нас туда отправит?! Вы, что ли, заяву напишете, а?!!

Интересно, сколько они в себя уже влили? Рожа перекошена, рука на ноже, ружье уставилось дулами в Глеба, будто сама смерть. Тупая и нелепая смерть – от рук идиотов, которые

вспомнят завтра о сегодняшнем и со страху обделаются! Веревка на руках уже ослабла, запястья ходят свободно – еще бы пару минут!

Дина закричала – негромко, жалобно, с придыханием:

– Не надо! Ну пожалуйста, не надо, прошу вас!

Коленки обхвачены руками, глаза круглые – классическая жертва! Наглядное пособие из учебников по безопасности: не плачьте, не упрашивайте насильника, это лишь его подбодрит! Вован развернулся, рука с ножа съехала ниже пояса, двинулся к жертве походкой распаленного самца. Коля, в ожидании шоу, подался вперед, забыв о пленнике, ружье опустилось книзу. Веревка с запястий съезжает, сползает...

– Не надо, пожалуйста, – повторила Дина тихо, с внезапным спокойствием.

– Ну как это не надо?! – хохотнул Вован, подходя вплотную. – Надо, сучка! Щас тебе будет маленько больно...

Толкнул ее, сам навалился сверху.

Крик.

Короткий, мужской, переходящий в истошный вопль ужаса. Вован пятится, держась за ляжку, из пробитой артерии хлещет тугая струя, Дина выставила перед собой перепачканный кровью клинок. Пора! Глеб сбросил оцепенение, тело метнулось вперед, и удар по почкам вышел славный – Колю аж в спине переломило! Ружье вырвать, прикладом по затылку, дуло в лоб:

– Стоя-а-ать, суки! Все назад, стреляю! Ты, б..., хватай его, рану зажимай, щас сдохнет! Бего-ом!!!

Паника, кровь повсюду. У Вована глаза из орбиты выкатились, Тату пытается его перевязать, Коля вовсе признаков жизни не подает. Победа, короче. Полный разгром врага! На поле боя добить бы всех и уйти, а тут, блин, цивилизация! Спасать придется!

– Ты умница! – крикнул Глеб Дине, вручая ружье. – Быка контролируй, а я этими займусь. Если что, любого вали!

– Не сомневайся, – кивнула та, успев уже спрятать кинжал. – Ты уверен, что им надо жить?

– Уверен, что нам с тобой на кичу рановато! Хотя доказать, конечно, будет трудно, зверье кости объест...

– Да помоги уже, не болтай! – сорвалась в истерику Тату. – Умирает человек, ведь это вы его зарезали!

Глеб не ускорил шаг ни на йоту. Подошел неспешно, глянул на нее лениво, и рука сорвалась сама – вкатил блондинке классную оплеуху. Первая помощь при истерике, и вообще... от полноты чувств. Выдернул у Вована из штанов ремень, жгут получился слабоват, но уж чем богаты!

– Так и держи, мудила, пережимай! Не вздумай в обморок уплыть, истечешь кровью!

Тот подчинился, разумеется, – они все сейчас сделались послушными. Разве что Коля отбил от коллектива по причине беспамятства. Глеб его связал, для верности, разместил всех троих у костра, сам с ружьем устроился напротив.

Еще одна веселая ночь. Сколько их таких было у него в жизни...

* * *

...Год 1991-й, Закавказье, весна, ночь. Склон горы, дорога внизу, пять человеческих силуэтов припали к щебнистой почве.

– Задэрживаются сэгодня, – произносит человек по имени Акон, худой и жилистый как кобра. – Нам уже дома пора сидэть, кушать матнакаи, а мы все тут!

Глебу здешняя война непонятна. На маленьком отрезке Закавказья, именуемом Нагорно-Карабахской АО, бьют друг друга потомки двух древних народов, а посередине расположены российские войска, обязанные всех примирять. Его дело, впрочем, маленькое – доставил пакет из Москвы и сразу назад. Почти сразу.

– Тебе с ними лезть никуда не надо, – сказал перед первым рейсом Макс, невысокий хлопец без возраста, с простецким круглым лицом и деревянными ладонями. – Ты курьер с ценным грузом, а воюют пусть сами!

Глеб спорить не стал – ни в тот раз, ни до этого. Вообще ни разу с Максом не спорил за весь бурный год, проведенный с молодежным крылом клуба «Позиция». Командировки доверили не сразу – сперва митинги были и кое-что еще. Съезжались к условленному часу, обменивались со своими взглядами, плакаты развернули во всю ширь: «Советская власть – голод, нищета, ГУЛАГ!» или покруче. Менты уже бегут, свистят, иностранная пресса камеры заранее нацелила, снимает скандальную картинку... весело, в общем! Гонорар будет позже – за бесплатно нынче только птички поют!

– Каждый работает в образе! – внушал Макс деловито. – Парни держат свои плакаты и готовы за них отдать жизнь! Девчонки, ваше оружие – слабость! Падайте под ноги ОМОНу, хватайтесь за ботинки, бейтесь об них головой! За каждый разбитый нос полагается премия, серьезные травмы оплачиваются особо! Готовы, молодежь? Тогда работаем!

«Работы» в этот год хватало. Митинги по всей Москве, флаги и лозунги менялись как перчатки. Куча полезных знакомств появилась, даже иностранцы!

– Учитесь у Голливуда, господа, – инструктировал активистов человек по имени Сэм (репортер CNN, если верить Максy), с неброской внешностью и полным отсутствием акцента. – Голливуд снимает не драку, а шоу. Зритель сочувствует жертвам, поэтому изображайте трагедию. Я вас научу.

Теперь позади и митинги, и тренинг. Только горы вокруг, только пакеты, доставляемые частыми рейсами. Что там – деньги, документы, инструкции? На кого вообще работает «молодежное крыло клуба «Позиция»? Опасные вопросы. Меньше знаешь – крепче спишь. Куда важнее нынче стабильность оплаты, а Макс со товарищи достойно вознаграждают, и не рублями «павловскими-деревянными», а той самой «эскавэ», ставшей нынче новым смыслом жизни. Снята уже квартира в центре Москвы, и Натали к нему переехала, простив вроде бы вынужденный аборт. Нормально жизнь организовалась, ради такого стоит и рисковать.

– Вот оны!

Пять человек припали к земле, а внизу, под склоном горы тарахтят неспешно два БТР с эмблемами внутренних войск. Патруль, не способный реально ничему помешать. Обе враждующие стороны с патрулями не ссорятся, а солдаты-«вованы» лишний раз с брони не слезают. Чужая война, чужие интересы.

– Все, пацаны!

Любая дорога когда-нибудь кончается. В селение приводит, в чей-нибудь дом, за стол. Будет литься рекой домашний коньяк, а хозяйка подаст ароматную долму и свежайший хлеб матнакаш.

– За тэбя, брат! За тваю помощь в нашей барбе! Если трудно – званы или сам приезжай!

Горы, воздух, острый привкус опасности...

Глава 10

Оскал цивилизации

Первые солнечные лучи осветили пейзаж, достойный кисти баталиста. Ненаписанное полотно «Разгром чекистами банды в горах Айла-Тау». Члены разбитой банды при свете дня выглядели весьма печально.

– Слышь, это... Глеб! Ну, прости! Ну, не правы были, бухие, дураки! Ну шутка была, в натуре, че ты загрузился?!

– Где-то я все это уже слышал, – сообщил Глеб задумчиво, ковыряя ножом тушенку (трофей, а как иначе!). – Или мерещится? Может, глюки, и нет тут никого? Когда рядом мерещатся голоса, надо быстро сваливать. С голосами пускай звери разбираются.

– Эй, Глеб, слышь! Ну отпусти, бля! Мы уже это... раскаялись!

– Во, опять! Ты их тоже слышишь, Дина?! Может, пальнуть в ту сторону, чтоб не мерещилось?

Терпения хватило минут на сорок. Глеб мрачно приблизился к пленникам, нож заиграл в его руке.

– Короче, чикатели вы мои недобитые! Сейчас расходимся и забываем все как страшный сон. Тогда, возможно, обойдемся без ментов и заявлений. Вопросы есть?

– Злой ты.

– Чего-о?! – Глеб покосился на пергидрольную Тату. – Вот ты мне, кстати, должна по полной, с тебя вся хрень началась!

– Так я не против! – Улыбка у девицы вышла ангельской. – Ты только скажи, душа моя, я ж для тебя что угодно!

– Не сомневаюсь, – ухмыльнулся он, разрезая ножом путы на нежных девичьих ручках. – Этих сама развяжешь, не барыня. Засим, господа и дамы, позвольте откланяться!

Легко сказать! Может, горные духи на людей обозлились, но с первых шагов все пошло наперекосяк. Дина на спуске подвернула ногу, у Глеба лопнул шнурок кроссовки, тропа впереди исчезла, превратившись в скопище кустов. Откуда-то появилась логика, хотя ей сейчас не сезон.

– Не, ну это вообще хамство какое-то! – возмутился Глеб, углядев, наконец, источник неясного шума позади. – По-русски, значит, не въезжаете, будем ссориться?!

Источники, числом трое, затормозили в полусотне метров, не проявляя особого страха.

– Глеб, да погоди ты! – подал голос живучий парень Вован. – Будь человеком, мы ж без вас заблудимся!

– Зато общество от вас отдохнет! Ладно, бес с вами! Ближе не подходить, а то сами знаете...

Блефовал, конечно. Ночью, да по запарке, положил бы всех, а теперь уж увольте! Люди они теперь безоружные и почти неопасные. Вдобавок цивилизация с каждым шагом напоминала о себе. Пару раз попадались кострища, пустые бутылки и прочие остатки человеческой жизнедеятельности, вызывавшие сейчас сплошной позитив. Странный таежный роман кончается, и не жаль его абсолютно!

Дорогу первой учуяла Дина – повела носом по-кошачьи, и пальчик с остатками маникюра уверенно показал направление. Еще один спуск, ручей, а там уже и тропы появились натоптанные, человеческие. Скорости, правда, не прибавилось – Дина хромала, а Глеб упорно старался не потерять кроссовки. Осталось лишь продрасть через очередные кусты, и вот оно, наконец!

– Ну что, горожанка, будешь асфальт целовать? – спросил деловито Глеб, скрывая собственный восторг. – Нет? Ну отдыхай тогда, такси подождет.

Еще через полчаса «такси», наконец, явилось – ностальгический ЗИЛ с синей кабиной и зверски ревущим движком. Глеб шагнул на дорогу, грузовик чихнул и притормозил, из окна высунулось лицо с вихрастой шевелюрой. Кепарика только не хватало до полного «шукшинского образа»!

– Нагулялись, что ли?! – оскалилось лицо в улыбке. – Ландшафты заценили, гиподинамию преодолели?!

– Точно! А у вас тут все такие образованные? – проворчал Глеб, заставив водилу улыбнуться шире.

– Не-а, я эксклюзивный! Меня мужики зовут Валера Интернет! Так вас подвезти, или как?!

– Нам в Златогорск надо, – кивнул Глеб, про себя матюгнувшись. Ни к чему бы сейчас светиться, да еще перед такими вот... эксклюзивами любопытными!

– Доставим, ноу проблем! А эти тоже с вами?

– Эти? – покосился Глеб на угрюмую троицу. – Так, попутчики. Давай уж возьмем.

Разместились быстро. Дину шофер забрал в кабину, а Глеб занял место в грязном кузове, лицом к прочей компании. Ружье пока оставалось при нем, но так уже, для порядку. Потом придется выкинуть, от греха. Еще Петровичу надо брякнуть с любого телефона – увольняюсь, ищи замену. Дорога между тем оказалась длинной, все кишки растрясали на этих колдобинах. Пару раз тормозили, чтобы отдохнуть и «облегчиться», шофер Валера хохмил, Дина улыбалась, троица шушукалась меж собой. Потом асфальт заметно улучшился, а по обеим сторонам дороги потянулись сплошные турбазы и кемпинги.

– Приехали!

– Чего?!

– Приехали мы, говорю! – повторил Вован, озираясь вокруг. – Нам в город рано, здесь потусим!

Сказано – сделано. Глеб стукнул в окошко кабины, грузовик тормознул, кемеровская троица десантировалась. Обошлось без слез и рукопожатий, хоть Тату и норвила «по-сестрински» облобызаться с Диной.

– Прости меня, подруга, виновата я перед тобой!

– Бывает. Ты следи за своими парнями, они у тебя проблемные.

– Да ладно, че там! – блеснула девица хитрющими глазами. – Лишь бы у нас, девочек, был мир!

На том и расстались. Трасса вскоре сменилась пригородным шоссе, вместо кемпингов начался частный сектор, а все это вместе означало град-столицу Златогорск. Маленькую, но гордую град-столицу, где приезжим со славянскими лицами затеряться совсем не просто.

– Ну и что ты решил?

– В смысле?

– Поедешь со мной?

– В Новосибе, что ли? – прищурился Глеб, почесав неопрятную бороду. Грузовик с балагуром Валерой уже отъехал, рядом шумел городской автовокзал. Идти, собственно, было некуда. От тайги отдохнуть пора, в Москве его давно никто не ждет...

– И в качестве кого?

– Друга, – ответила Дина просто. – Ты сильный, смелый и надежный, я тебе верю. Меня ведь и там могут найти. А расходы, разумеется, компенсирую.

– Вот так, значит? – усмехнулся Глеб. – Платный друг-телохранитель? Ладно, уговорила. Как раз моя профессия!

...А причину недавних слезных прощаний с троицей они поняли чуть позже – когда Дина залезла в рюкзачок и недосчиталась изрядной суммы.

– Вот уроды! Когда только успели?!

С деньгами «ушли» косметичка и дорогуший телефон на пару с зарядником, что огорчило Дину сильнее всего. В милицию решили не заявлять – в свете последних событий недолго самим сесть на нары. Взяли билеты, потрепанный «икарус» принял их на борт, и трасса развернулась под колесами бесконечной серой лентой...

* * *

Чужое брать нехорошо – большинство из нас этому учат с детства, но не все потом этому верят. Веселая троица кемеровчан, к примеру, давно жила согласно совсем другим правилам из серии «не попадайся». Этим вечером они сняли номер на троих в дорогой гостинице, напитки и еда оказались на уровне, а траханье вышло привычно веселым. С Тату, разумеется – парни были строгими натуралами. Задремали все трое вповалку, счастливые и пьяные. Не услышали даже, как щелкнул замок входной двери. Тату в полудреме открыла глаза, взгляд наткнулся на темные фигуры у кровати, но разум оценить увиденное не смог.

– Че не спите, пацаны? – пробормотала, переворачиваясь и натываясь на голые тела. – Во, блин, вы здесь? А это...

Луч фонаря ударил в лицо, Тату завизжала, тут же получила оплеуху.

– Не надо кричать, – приказал один из гостей. – Слушайте меня и отвечайте на вопросы. Где телефон?

– Да вот он, – сказал второй гость, чье лицо терялось за слепящим светом фонаря. – Заряжается. А хозяйка где?

– Ептыть, – удивился не вовремя здоровяк Коля, открывая глаза. – Вы че тут, а? Свет выруби, говорю!

Алкоголь сыграл с Колей злую шутку, заставив подняться с постели навстречу гостям.

– Че, нашли, да?! Эти вас наняли?! За телефон повелись?! Я вас щас!..

Третий из гостей сделал шаг навстречу, и Коля охнул, заваливаясь обратно. Стеклёные глаза, перекошенный рот, рана совсем маленькая – аккуратный прокол под ребрами слева. Белая простыня набухает темным. Проснувшийся Вован икает, глядя на очень знакомый предмет. На кинжал глядя, узкий и длинный, с распятием вместо рукояти. Другой клинок возник перед лицом Тату, заставив ее взвизгнуть.

– Не кричи, блудница, – сказал человек ласково, и острие описало в воздухе полукруг. – Нам не нужны ваши жизни, а душам вашим мы не хозяева. Сейчас вы расскажете про женщину с рыжими волосами и про ее спутника. Все до последнего момента, как на исповеди. Излагай, блудница, и пусть Господь вразумит тебя говорить только правду...

Глава 11

Странностей прибавляется

Майора Гайтанова звонок застал за скучнейшим, но необходимым делом – подшиванием документов. Пробиваешь шилом три дырки, протягиваешь нить, потом нумеруешь. Каждый лист на учете (сплошные грифы «секретно» да «сов. секретно», за которые потом изволь отчитаться).

Зазвонил телефон. Голос в трубке принадлежал Лехе.

– Здорово, Констанц! Ты там еще не прирос к своей шайтан-машине?!

– Уже корни пускаю, – ответил майор искренне, покосившись на экран компа. Фотографии-скринсейверы: Гайтанов с автоматом, Гайтанов и Кремль, еще Гайтанов. Загорелый, поджарый, деятельный.

– Есть предложение получше?

– Хм... ну как сказать. У нас тут странный «убой», я тебе рекомендую поприсутствовать. Сектанты или еще какая хрень.

– Опять сектанты? – Знакомый зуд отозвался где-то на уровне пупка. – Ладно, говори адрес. Шайтан-машина подождет!

* * *

Отель с гордым именем «Белый марал» занимал участок в две сотни квадратных метров. Бревенчатые стены, хороший кондишн, вежливая услуга. У Гайтанова на такие заведения зарплата хватало не всегда.

– Сейчас глянете, что за перцы, – пообещал Леха (он же – старший опер местного угро капитан Кулешов), проводя Константина по резным деревянным лестницам. – Групповушники, одна койка на троих! Там у них все и случилось!

Большая комната, живописные постеры на стенах, постель... тоже живописная.

– Ну вот, сам видишь.

– Вижу, не слепой, – кивнул Гайтанов, разглядывая тело на койке. Здоровенного парня без всяких признаков одежды, зато с явным признаком насильственной смерти под ребрами слева. Бурые пятна на простыне, эксперт ищет «пальчики», следователь из СУСК⁵ пишет протокол осмотра. Типичная 105-я⁶, в общем, никакой тебе подследственности органам ФСБ! Даже не «альтернативка»!

– Это кто ж его так?

– Вопрос, конечно, интересный! Мы уцелевших развратников развели по разным номерам, но поют вполне складно. Рекомендую начать с девушки, она хоть выглядит приятней.

Слукавил шельмец – ничего особо приятного в блондинке не было. Опухшие глаза, тушь размазана, руки трясутся. Полный постстрессовый набор.

– Помедленней, не спешите. – Молодой милицкий опер в психологии разбирался плохо, да и быстро писать не умел. – Еще раз: во сколько точно они к вам зашли?

– Да не помню я! Мы спали, на фига нам часы?!

– Тихо, гражданочка, тихо. Орать не надо, а лучше спокойно все расскажите. Так во сколько ПРИМЕРНО они к вам зашли?..

⁵ СУСК – Следственное управление Следственного комитета (ранее – при прокуратуре).

⁶ Статья 105 УК РФ – «умышленное убийство».

В соседней комнате опер постарше опрашивал вертлявого парня с гопническими манерами.

– ...Короче, бля, это... я ему сказал, типа, че ты творишь, козел?! Рамсы, говорю, путаешь, ответить придется! А он как глухой, падла, даже не смотрит, только пикой своей играет!

– Ножом? И что за нож?

– Навороченный, я ж сказал! Вместо ручки крест с «гимнастом», а жало тонкое, типа заточки! И у этого, с бородой, такая же пика! Они чокнутые, я сразу въехал!

Гайтанов «въехал» не сразу. Послушал еще чуток, задал пару вопросов, ощущая конкретный уже азарт. С пергидрольной блондинкой пообщался дополнительно. На убитого взглянул.

– Ну, что скажешь? – Опер Леха нарисовался за спиной как раз вовремя. – Твои клиенты?

– Науке это неизвестно, – ответил майор фразой из старого фильма, черкая в блокноте пометки-каракули. Блокнот был хороший, молескин в натуральной коже – память о столичных вояжах, – а вот ручка подкачала. Простая, пластмассовая. Каракули в таком мезальянсе рождались весьма неразборчивыми, но Гайтанова устраивали. – Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе?.. Будем разбираться, Леха. Спасибо за наколку, сочтемся.

– Ага, тоже мне трупешник подкинешь, – цинично ухмыльнулся Кулешов. – Нет уж, кушайте сами, граждане чекисты!

Он был, разумеется, прав. Милиции бы с бытовухой разобраться да с мелким жульем, работы всегда хватает. Не ищут себе менты лишних дел – в отличие от «граждан чекистов», которых ноги кормят, как того волка.

В машине Гайтанов снова вынул блокнот. Расчертил каракули грубо поперек, каждая колонка получила собственный номер, а там и план нарисовался – по привычке.

1. *Сводка происшествий*

2. *Водила*

3. *Батюшка (нож и рисунок)*

Первичный такой планчик, только для личного пользования. Начинать по-любому придется с собственной конторы, куда для опера ведут все пути.

* * *

В кабинете, нажав кнопку чайника, Гайтанов достал папку самого кондового вида – серую, картонную, с завязками. Надпись «несекретно» позволяла держать сей раритет прямо в столе, хотя кое-что из содержимого папки стоило бы загрифовать. Ростки будущих дел, зародыши крутых реализаций... бумаги, короче. Разрозненные первичные сведения, обещающие когда-нибудь стать ТЕМОЙ. Из этого вороха майор извлек несколько свежих листков с пришпиленными скрепкой фотографиями – не за столом будь показаны. Мертвое тело неэстетично само по себе, а уж вынутое из воды!.. Ксерокопии документов, добытые через того же Леху, общую картинку вполне подтверждали. К примеру, объяснение егеря, доставшего труп из Хотуни пару дней назад. Протокол осмотра тела: мужчина 25 – 30 лет, многочисленные гематомы... Заключение эксперта: смерть наступила в результате асфиксии, вызванной попаданием воды в дыхательные пути... В возбуждении уголовного дела отказано. Лицами, подававшими ранее заявления о пропаже без вести своих близких, погибший не опознан. Точка. Или все-таки запятая?

Чайник вскипел, отвлекая Гайтанова от мыслей, и следующие пять минут посвящены были ритуалу. Черный чай Гайтанов обычно заваривал в спешке (не ради вкуса – ради бодрости), но сейчас явно не тот случай. Спешить некуда, подумать надо хорошо – поэтому да здравствует чай зеленый! Сначала ошпарить, как положено, глиняный заварочник, затем большую щепоть залить небольшим количеством кипятка. Через пару минут, когда листья раскроются, добавить еще кипяточку и укутать. Чем мы хуже японцев, а? Тем более что и времени у Гай-

танова – после перевода из соседнего Волчеозерского края в здешнюю патриархальную глушь – становится все больше. Скоро черный чай окончательно сдаст позиции зеленому брату, а там и другие ритуалы появятся, вроде курения трубки и почесывания отрастающего пуза.

Ладно, шутки в сторону – пора делом заняться. Весьма интересным делом, вызревающим потихоньку из обрывков информации. Начнем по порядку.

1. Четверо странных типов уходят в горы. Вооружены, загадочны, поют непонятное. Ориентировочно – сектанты.

2. Утопленник со странной татуировкой. Почил приблизительно сутки спустя после ухода четверки в горы.

3. Странная (опять же) парочка – гусь да гагарочка. Дама носит при себе стилет ритуального вида, решительно его применяет.

4. Троица мужчин (четверо – минус утопленник?) ищет парочку и не менее решительно пускает в ход стилеты. Технические возможности выше среднего – телефончик-то запеленговали!

Не слишком ли много странностей на квадратный метр? А есть ведь еще и сама татуировка – на плече того утопленника. Фото, распечатанное с цифрового снимка, передавало тату отчетливо, во всем многоцветье. Распятие вполне православного вида, на фоне скрещенных мечей, обрамленное понизу надписью «DOMINI CANES». Так вот, ни больше ни меньше. Гайтанов сие словосочетание знал давно – тоже не валенки носим, книжки почитываем, – но вот с картинкой латынь не вязалась напрочь. С татуировкой красочной, многоцветной, явно не зоновского происхождения. В современном тату-салоне еще и не то нарисуют, можно бы плюнуть да забыть... если бы не все остальное. Два тела безвременно умерших плюс специфический опыт десятилетней давности. Тогда лейтенант Гайтанов тоже зацепил одну татуировочку, а потом начались такие страсти, что хоть святых выноси. Голову чуть не потерял (в прямом смысле), а туловище украсилось абсолютно ему ненужным шрамом. Желаете еще?

На этой позитивной ноте майор уселся за компьютер и не менее получаса щелкал по клавишам. Анализировал, обобщал, искал аргументы. Цель-минимум сейчас одна – убедить Баира и иже с ним в серьезности новой темы. Получить добро на работу именно по ней, отодвинув в сторону рутинные глупости.

Еще через час Гайтанов снова пил чай – на сей раз с пахучими горными травами. Угощался в доме местного батюшки. Глава православного прихода отец Евгений человеком был «продвинутым», но и меру не забывал. Белые кроссовки из-под рясы не торчали, хотя спорта не чурался и машину водил не хуже автогонщика. Гайтанов его, впрочем, ценил за другое – за эрудицию и способность мыслить широко. Вольнодумцем считался отец Евгений, потому, наверное, и сидел в захолустном горном приходе, вдали от всех епископов.

– Экие дураки! – заявил батюшка по-простому, разглядев фото. – Грех, конечно, про усопшего, но иссякает терпение, когда святые символы на теле рисуют!

– Так это ж целая субкультура, – усмехнулся Гайтанов. – Такое ощущение, что у нас вся православная агитация идет через жуликов. Наколки с куполами, песни шансонные... а может, и правда верят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.